

**Современный
Гуманитарный
Университет**

Дистанционное образование

Рабочий учебник

Фамилия, имя, отчество _____

Факультет _____

Номер контракта _____

СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

ЮНИТА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

МОСКВА 1998

Разработано Т. А. Шевченко

Одобрено Методическим
советом СГУ

КУРС: СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Юнита 1. Общие вопросы стилистики. Лексическая стилистика.

Юнита 2. Синтаксическая и фонетическая стилистика.

Юнита 3. Функциональная стилистика.

ЮНИТА 3

Рассматриваются основные функциональные стили и проблемы их использования.

Для студентов Современного Гуманитарного Университета

Юнита соответствуют профессиональной образовательной программе №1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОГРАММА КУРСА	4
ЛИТЕРАТУРА	5
НАУЧНЫЙ ОБЗОР	6
1. Языковая система, функциональные стили и индивидуальная речь	6
2. Основные противопоставления на уровне нормы	11
3. Торжественно-возвышенная лексика и поэтический стиль....	15
4. Научный стиль	23
5. Газетный стиль	29
6. Разговорный стиль	36
7. Взаимодействие стилистической окраски слова с контекстом	43
8. Использование функционально окрашенной лексики в художественной литературе	46
9. Использование просторечия и диалекта	51
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	54
ФАЙЛ МАТЕРИАЛОВ	58
ГЛОССАРИЙ*	

* Глоссарий расположен в середине учебного пособия и предназначен для самостоятельного заучивания новых понятий.

ПРОГРАММА КУРСА

Языковая система, функциональные стили и индивидуальная речь.

Основные противопоставления на уровне нормы.

Стиль художественной литературы.

Научный, газетный, разговорный стиль.

Стиль официальных документов.

Использование функционально ограниченной лексики в художественной литературе.

Использование просторечия и диалекта.

ЛИТЕРАТУРА

Базовый учебник

*1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.

Дополнительная литература

2. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
3. Гальперин И. Р. К проблеме дифференциации стилей речи. М., 1965.
4. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.
5. Костомаров В. Г. Некоторые особенности языка печати как средства массовой информации. М., 1969.
6. Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика как категория стилистическая. // Вопросы языкознания, 1981. № 3.
7. Bastian G. C. Editing the Day's News. NY, 1956.
8. Chatman S., Levin S. Essays on the Language of Literature. Boston, 1957.
- *9. Galperin I. R. Stylistics. M., 1977.
10. Koskeniemi I. Studies in the Vocabulary of English Drama 1550 – 1600. Helsinki, 1960.
11. Leech G. A., Short M. H. Style in Fiction. Longman, 1981.
12. Miles Y. Style and Proportion. The Language of Prose and Poetry. Boston, 1967.

Примечание. Знаком (*) отмечены работы, на основе которых составлен научный обзор.

1. ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РЕЧЬ¹

Произведения художественной литературы и другие тексты, служащие материалом для стилистического анализа, являются примерами индивидуальной речи, данной в непосредственном наблюдении. Для того чтобы описать текст и выявить его особенности по сравнению с другими существующими текстами в данном языке, необходимо установить термины для сравнения. Невозможно установить своеобразие чего бы то ни было, не зная, что является обычным и из каких возможных вариантов выбрано то, что включено в текст. Чем более четко очерчено обычное, тем заметнее индивидуальные особенности. Для того чтобы установить характерные и повторяющиеся принципы выбора, мы должны знать все те формы, из которых производится отбор. Терминами сравнения служат система данного языка в целом и его норма. Под **нормой** понимается не только нейтральный литературный стандарт, но и функциональные стили и диалекты. Система языка и его норма не даны нам в непосредственном наблюдении и выявляются путем абстракции.

Пользуясь терминами моделирования, можно представить себе систему языка как модель абстрактную, норму — как модель статистическую и индивидуальную речь — как эмпирически наблюдаемый материал.

Язык как система представляет собой множество различных реализуемых в речи элементов в их отношениях, противопоставлениях и связях.

Система языка, которая состоит из фонетической, лексической и грамматической подсистем, может рассматриваться как структура, поскольку на множестве элементов языка определены закономерные отношения. Эти отношения состоят в том, что использование единиц более низких уровней для построения единиц более высоких уровней имеет ограниченную свободу — сочетаемость элементов ограничена, что и обеспечивает необходимую для кода избыточность.

Система языка определяет общие возможности употребления его элементов, а норма — то, что реально употребляется, принято и понятно в данной языковой общности в зависимости от конкретных условий общения.

Для того чтобы на примере пояснить различие между системой, нормой и индивидуальной речью, обратимся к местоимениям.

* Жирным шрифтом выделены новые понятия, которые необходимо усвоить, знание этих понятий будет проверяться при тестировании.

¹ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.

В системе английского языка местоимение первого лица единственного числа означает говорящего и противопоставлено местоимению первого лица множественного числа, обозначающему говорящего и еще одно или несколько лиц.

В норме английского языка, например в научном стиле речи, вместо I возможно we или так называемое множественное скромности: As an illustration let us take the language of Euclidian geometry and algebra. (A. Einstein)

В индивидуальной речи we может быть ласково или насмешливо употреблено вместо местоимения второго лица. Врач может сказать пациенту: Come, come, we mustn't get ourself all worked up, must we? (J. Thurber. *The White Deer*)

Литературная норма языка, как пишет Е.С. Истрина, «определяется степенью употребления при условии авторитетности источников».¹ Составители грамматик и словарей при описании литературной нормы опираются на материал произведений художественной, научной и публицистической прозы. Правильность речи определяется не логическими или этимологическими критериями, а только употребительностью в речи образованных носителей языка. Речь обусловлена потребностями и ситуацией общения, поэтому и правильность ее относительна. Важно отметить, что отступления от правил грамматики в речи персонажей не просто свидетельствуют о низком образовательном уровне персонажа, как об этом говорят малоискушенные в стилистическом анализе читатели, а часто несут в себе значительную информацию об обстоятельствах общения, настроении и состоянии говорящего.

Общелитературный стандарт называют нормой в узком смысле слова.

Изучением норм «правильной» речи занимается специальная отрасль стилистики — **нормативная стилистика**, или **ортология**. Существенным отличием ортологии от лингвостилистики является то, что она не только отмечает варианты функционирования языка, но и дает оценку анализируемых форм как «правильных» или «неправильных». Ортология изучает также характер и объем сознательного воздействия на развитие и функционирование языка со стороны его носителей и со стороны образовательной системы, поскольку норма в этом смысле искусственно поддерживается школой. Само собой разумеется, что этими проблемами культуры и развития речи могут заниматься только те, кто вполне владеет данным литературным языком и имеет нужную общепилологическую подготовку. Наиболее известной из многочисленных английских работ по нормативной стилистике является словарь Х. Фаулера². В задачи ортологии входит не только рассмотрение и устранение

¹ Истрина Е. С. Норма русского литературного языка и культура речи. М.–Л., 1948. С. 19.

² Fowler H. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford, 1929.

семантических и стилистических несоответствий в речи, но и изучение условий ее наибольшей выразительности¹. Основной ортологической категорией является категория вариантности, связанная с тем, что язык находится в состоянии непрерывного развития и изменения, вследствие чего в нем всегда сосуществуют элементы старого и нового².

Норма языка отражает типичное использование возможностей, представляемых системой, в зависимости от участников, сферы, условий и цели общения.

Самое существование нормы предполагает возможность таких оппозиций, как:

структура : : норма : : индивидуальная речь;
общенародная норма : : диалект;
нейтральный стиль : : разговорный стиль : : книжный стиль;
литературно правильная речь : : просторечие³.

Норма, таким образом, включает разные подсистемы реализации структуры. Она указывает традиционные, но не обязательно «правильные» формы, поскольку помимо литературной нормы языка существует ряд других норм: диалект, просторечие и т.д.

Дифференциальные признаки перечисленных выше оппозиций и других им подобных могут быть географическими (для диалектов и национальных вариантов), социальными, поскольку речь имеет свои особенности в различных общественных условиях и у различных общественных групп, биологическими, учитывающими различие в речи мужчин и женщин, детей, подростков и взрослого населения.

«Норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе. Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, т. е. технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим эталонам»⁴.

Английские исследователи, сохраняя понятие «стиль» для художественных текстов, для других сфер общения вводят термин

¹ См.: Ахманова О.С., Беляев В.Ф., Веселитский В.В. Об основных понятиях «нормы речи» // Филол. науки. 1965. № 4; Ахманова О.С., Веселитский В. В. Словари правильной речи // Лексикографический сборник. 1959. № 4; Скребнев Ю.М. К вопросу об ортологии // Вопр. языкознания. 1960. № 2.

² См.: Quirk R., Greenbaum S., Leech G. Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. Ldn, 1972; Robinson P. Using English. Oxford, 1983.

³ Под оппозицией понимается отношение частичного различия между частично сходными элементами или множествами элементов языка, способное выполнять семиологическую функцию. Различительные признаки при этом носят название дифференциальных признаков. Знак оппозиции : :.

⁴ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 175.

«регистр». **Регистр** сочетает в себе ситуативные условия общения, устную или письменную форму и ролевую структуру коммуникации. Различают, например, регистр устного неофициального разговора, регистр научной лекции, церковной службы, юридических документов, рекламы, коммерческой корреспонденции, метеорологических сводок, телефонных разговоров и т. д. Установившейся классификации регистров не существует. Определяют их по сфере, форме и отношениям коммуникантов. Так, например, реклама мохера: *And we've got the Mohair yarn blends in the most luscious colours you've ever seen* по сфере общения определяется как коммерческая бытовая реклама, по форме как письменный текст, по тону как обращение неофициальное, якобы хорошо знакомых людей, и, следовательно, относится к регистру рекламы.

Регистры можно рассматривать как варианты языка и они примерно соответствуют принятым в советской лингвистике и не очень благозвучным терминам «субъязык» или «подъязык».

Ю. М. Скребнев рассматривает **субъязык** как подсистему языка, полностью удовлетворяющую целям общения в той или иной сфере. Он подчеркивает, что единство языка как системы и его членимость на субъязыки не исключают друг друга, что язык не является гомогенной системой, а распадается на ряд разновидностей, обслуживающих разные сферы общения. Ю. М. Скребнев считает необходимым отличать субъязыки, как условно замкнутые и условно дискретные подсистемы языка, от функциональных стилей, которые являются характеристиками этих систем.

Функциональный стиль складывается из специфичных конститuentов тех или иных субъязыков. Помимо этих специфичных элементов в субъязыке присутствуют еще элементы относительно специфичные и неспецифичные.

Подобно регистрам эти субъязыки выделяются пока произвольно в зависимости от точки зрения исследователя, и число их неопределенно велико.

Функциональные стили изучены лучше, и расхождения в их выделении касаются только стиля художественной прозы и единого газетного стиля. Поэтому подробнее нам предстоит остановиться именно на них.

Функциональные стили — научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский и публицистический — являются подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике. Возникновение и существование функциональных стилей обусловлено спецификой условий общения в разных сферах человеческой деятельности. Следует иметь в виду, что стили различаются как возможностью или невозможностью употребления тех или иных

элементов и конструкций, так и их частотными соотношениями. Специальный технический термин, например, может встретиться в разговорном стиле, но вероятность появления его здесь совершенно иная, чем в техническом тексте по данной специальности, ибо термины для разговорного стиля нехарактерны. Целый ряд ученых уже занят получением статистических данных, оценивающих вероятность каждого элемента языковой структуры в плане его функционирования в разных функциональных стилях¹. Выявляются статистические закономерности в отношении длины, морфемного и этимологического состава слов, распределения частей речи, представленных в текстах семантических полей, длины предложений и т. д.

Название «функциональный стиль» представляется очень удачным, потому что специфика каждого стиля вытекает из особенностей функций языка в данной сфере общения. Так, например, публицистический стиль имеет своей основной функцией воздействие на волю, сознание и чувства слушателя или читателя, а стиль научный — только передачу интеллектуального содержания.

Структура и норма языка являются абстракцией. На уровне наблюдения существует только индивидуальная речь, которая для стилистики представлена речевым произведением — текстом. Текст, таким образом, является единственным эмпирическим материалом стилистики.

При рассмотрении индивидуальной речи лингвисту приходится иметь дело с большим разнообразием аспектов, т. е. с явлениями акустическими, общественными, психофизиологическими, психическими. Сообщение при этом рассматривается в связи с контекстом и ситуацией.

Стилистический анализ оказывается в некотором смысле более ограниченным, он учитывает контекст и ситуацию, но имеет дело только с письменным отражением звуковой речи. Это и проще, и сложнее, потому что, как указывал Л. В. Щерба, текст для своего понимания требует мысленного перевода на произносимый язык.

Рассматривая анализ в терминах теории информации, можно сказать, что цель его состоит в том, чтобы возможно ближе подойти к алгоритму декодирования сообщения, т.е. показать, как получатель речи понимает сообщение, а также показать, как возрастает количество информации в слове или конфигурации связного высказывания в зависимости от их неожиданности, о чем уже говорилось выше при объяснении принципа обманутого ожидания. Каждый элемент сообщения содержит тем больше информации, чем больше общее число возможных элементов, из которых данный элемент выбран. Обращение к терминам

¹ См., напр.: Головин Б. Г. Из курса лекций по лингвистической статистике. Горький, 1966; Шайкевич А. Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей // Вопр. языкознания. 1968. № 1.

теории информации, как уже говорилось, может оказаться полезным в рассмотрении проблем стилистики, поскольку это позволяет рассматривать их в наиболее обобщенном виде.

Итак, индивидуальная речь существует в отдельных реальных высказываниях. Объединение в составе художественно-речевого целого разных стилей данного языка и контрастирование элементов одного стиля с элементами другого выполняют различные экспрессивные функции, на которых мы подробнее остановимся в дальнейшем. Здесь мы напомним только, что следует различать стилистическую окраску, которую слово получает на уровне нормы, и стилистическую функцию, которую слово получает на уровне индивидуальной речи и выполняет в рассматриваемом контексте.

2. ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ НА УРОВНЕ НОРМЫ

Структура языка и его стандартная общелитературная норма изучаются в курсах грамматики, лексикологии и фонетики. В этой главе мы остановимся на взаимодействии нормы и структуры, на вариациях на уровне нормы и их ограничениях, зависящих от структуры, сосредоточив свое внимание прежде всего на функциональных стилях, как главном предмете лингвостилистики. После этого можно будет рассмотреть взаимодействие нормы и индивидуальной речи и ограничения, которые накладывает норма на вариации в индивидуальной речи.

Стилевая структура языка тесно связана с конкретной историей и условиями жизни говорящего на нем народа и поэтому оказывается различной на разных этапах истории.

Границы между стилями не могут, разумеется, быть очень жесткими. Так, ораторский стиль может иметь много общего с публицистическим, а к последнему очень близок стиль гуманитарных научных текстов. Публицистический газетный стиль иногда сближается с разговорным. Но если мы установим статистические характеристики этих стилей, то указанные сближения можно рассматривать как сочетания разных стилей в индивидуальной речи. Каждый стиль языка характеризуется определенными статистическими параметрами в отношении лексики и синтаксиса (длины слов и предложений, словообразовательных моделей и синтаксических конструкций).

Термин «нейтральный стиль» неудачен, так как в сущности подразумевает материал, где стилевые черты отсутствуют. Но нам придется сохранить его для обозначения дополнительного по отношению к функциональным стилям множества элементов нормы.

Нейтральный стиль есть немаркированный член стилистических

оппозиций и оказывается как бы фоном для восприятия выраженных стилистических особенностей. Основным свойством его является отсутствие положительной стилистической характеристики и возможность использования его элементов в любой ситуации. Как все на уровне нормы, нейтральный стиль является абстракцией и в индивидуальной речи, в тексте отсутствие стилистически окрашенных элементов может создавать преднамеренную простоту, которая может использоваться со специальным художественным заданием, как это имеет место, например, в творчестве Э. Хемингуэя или Р. Фроста. Если стилистическая нейтральность выбранной лексики сочетается с употреблением слов в их прямых значениях, прием называется **автологией**. Прием не исключает образности, но последняя в этом случае опирается на тематику и сюжет всего произведения в целом. Так, во многих произведениях Р. Фроста сцены из фермерской жизни или наблюдения природы дают читателю возможность широких философских гуманистических обобщений.

Нейтральному стилю, т. е. стилю, возможному в речевой ситуации любого характера, противопоставляются две основные группы: первая из них соответствует неподготовленной заранее речи бытового общения, а вторая — заранее обдуманной речи общения с широким кругом лиц (*public speech*). Различные стили первой группы обычно называют **разговорными**, а второй — **книжными**. В английской стилистике принята несколько иная терминология, а именно различают **спонтанный casual** (*non-formal*): **неспонтанный non-casual** (*formal*); эти термины точнее отражают суть дела. Названия «разговорный» и «книжный» соответствуют происхождению этих стилей: в своей специфике первая группа обусловлена характерными особенностями бытового диалога, а вторая группа — условиями письменного общения. Однако в настоящее время это деление необязательно соответствует делению речи по типам речевой деятельности на письменную и устную формы. Так называемый разговорный стиль широко используется в художественной литературе, а образцы второй группы, могут (хотя и с некоторыми модификациями) использоваться в устных формах общения, а для одного из них — ораторского — устная форма является даже основной.

Нельзя, впрочем, считать, что разговорная речь в том виде, как она представлена в художественной литературе, тождественна устной разговорной речи, поскольку наличие специфических задач идейно-художественного порядка (необходимая сжатость, сценичность — в драматургии, показ характеров, социально-эстетические принципы литературного направления и многое другое) влияет на обработку устно-разговорного материала. Точное, как на магнитофонной ленте, воспроизведение разговора может попасть в литературное произведение только в порядке исключения. Информация должна подвергнуться

компрессии: писатель отбирает только типическое и существенное, освобождая свой материал от всего случайного¹.

Характерные особенности разговорной речи, как уже было сказано выше, проистекают из условий устного бытового общения. Речь не обдумана предварительно, наличествует прямой двусторонний контакт, преобладает диалог. Используются дополнительные выразительные средства (жест, мимика, показ, интонация). Ситуация служит контекстом. Наличие **обратной связи** позволяет говорящему не стремиться к большой точности и полноте выражения, он знает, что, если его неправильно поймут, он сразу это заметит и может дополнить или пояснить сказанное. Это обстоятельство, а также стереотипность ситуаций позволяет обходиться меньшим по объему словарем, употреблять многозначные слова и слова широкой семантики, а также пользоваться клише, а в синтаксисе широко использовать неполные предложения.

В **разговорном стиле** принято различать три разновидности: *литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и просторечие*. Две последние имеют еще региональные особенности, а также особенности, зависящие от пола и возраста говорящего². Некоторые авторы полагают, что просторечие не может рассматриваться как функциональный стиль, поскольку стиль предполагает выбор, а пользующийся просторечием выбора не имеет и говорит так потому, что иначе говорить не умеет. В действительности дело обстоит иначе: нередко люди с одними собеседниками пользуются просторечием, а литературно-разговорным стилем с другими. Таким образом, просторечные формы *ain't, he don't* они употребляют не потому, что не знают других, а потому, что эти формы употребляют их товарищи по работе или товарищи их игр. В другой обстановке они совершенно правильно пользуются формами *isn't, aren't, doesn't*³. Более того, в современной Англии нередки случаи, когда говорящие намеренно употребляют просторечные формы как народные, подчеркивая таким образом свою демократичность, принадлежность к народу, а не к правящим классам. Главной особенностью функциональных стилей является все-таки не выбор, а специфичность сферы употребления. Таким образом, основания отрицать существование просторечия как стиля у нас нет.

Группа **книжных стилей** включает научный, деловой, или официально-документальный, публицистический, или газетный, ораторский и возвышенно-поэтический. Последний особенно важен при рассмотрении художественных произведений прошедших эпох. Группа книжных стилей

¹ См.: Кожевникова К. К вопросу художественного воспроизведения высказываний повседневной устной речи в литературном произведении // *Cesko-slovenska russistika*. X, 2.1965.

² См.: Беркнер С. С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI – XX вв. Воронеж, 1978, и др.

³ Charles v. Hartung. *Doctrines of English Usage: Essays on Language and Usage* / Ed. by L. Dean and K. Wilson NY, 1959. P. 257.

не имеет территориальных подразделений и является общенародной и более традиционной, чем разговорная группа. Для них характерен монолог и обращение одного человека к многим. Между кодированием и декодированием сообщения возможен (благодаря письменности и другим средствам фиксации речи) значительный разрыв. Мы можем читать статью, письмо, книгу, документ, написанные много лет назад. Высказывание обдуманно или в процессе его составления, или при устной форме передачи, подготовлено заранее. Синтаксис и лексика отличаются разнообразием и точностью, что необходимо ввиду отсутствия или недостаточности обратной связи.

Вопрос о том, существует ли особый функциональный стиль художественной литературы, является спорным. Некоторые авторы (Р. А. Будагов, И. Р. Гальперин и другие) полагают, что такой стиль существует, другие (В. В. Виноградов, А. В. Федоров, Р. Г. Пиотровский, Ю. С. Степанов) отрицают его существование. Более убедительной является последняя точка зрения. Литературная норма стилистически нейтральна и используется в художественной литературе в разных сочетаниях с различными функциональными стилями, причем художественный эффект часто зависит именно от столкновения стилей.

Академик В. В. Виноградов писал: «Любое языковое явление может приобрести характер поэтического в определенных творчески функциональных условиях... Вместе с тем поэтические средства не образуют специальной системы, но опираются на системные отношения языка внехудожественных областей»¹.

Следует, однако, сделать одну очень важную оговорку. Норма языка есть категория историческая, поэтому сказанное выше относится к современному английскому языку, не имеет характера универсальной истины и не исключает возможности существования специального литературного стиля в других языках на определенных этапах их развития. Языкознание отмечало много таких случаев.

Само собой разумеется, что отрицание литературно-художественного стиля не означает отрицания литературоведческой стилистики со специальными задачами, отличными от задач лингвостилистики. Такая литературная стилистика занимается той частью содержания сообщения, которая касается говорящего, его эмоций, его отношения к ситуации, к получателю речи и читателю в их взаимодействии с чисто литературными характеристиками произведения, т. е. фабулой, образами героев, темой, строем идей и т. д.

¹ Виноградов В. В. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы // Вопр. языкознания. 1962. № 5. С.5.

3. ТОРЖЕСТВЕННО-ВОЗВЫШЕННАЯ ЛЕКСИКА И ПОЭТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Функциональный стиль — категория историческая: в разные эпохи развития английского языка и английской культуры выявляются различные стили. Так, в эпоху классицизма считалось, что существует особый поэтический стиль, для которого пригодны не все слова общенародного языка. Устанавливались особые нормы поэтического языка, касавшиеся выбора лексики (из которой изгонялось все грубое и «простое»), и морфологических форм, и синтаксических конструкций. Поэтика классицистов была нормативной. Нормы «хорошего вкуса», идеалы прекрасного как благородного и разумного, изложенные в поэме «Поэтическое искусство» — главном произведении французского теоретика классицизма Никола Буало (1636 — 1711), были приняты и в Англии, хотя в Англии господство классицизма никогда не было так сильно, как во Франции. Те английские просветители, которые придерживались классицистической эстетики, стремились упорядочить языковые поэтические средства и развивали идеи Буало. Образно-эстетическая трансформация общенародного языка в поэзии была подчинена строгим канонам, назначение которых состояло в том, чтобы придать ему особую, соответствующую их поэтическим взглядам приподнятость и изысканность.

Одним из главных авторитетов в области литературного вкуса в Англии был Сэмюэль Джонсон (1709—1784), поэт, журналист, критик и лексикограф, автор первого толкового словаря английского языка. Пурист и моралист, он требовал строгого следования уже апробированным образцам во имя хорошего вкуса, разума и морали. В приведенном ниже стихотворении С. Джонсона «Дружба» можно проследить основные характерные черты высокого стиля. Стихотворение начинается с **апострофы**, т.е. приподнятого обращения, и притом не к человеку, а к абстрактному понятию — дружбе. Приподнятый тон создается с самого начала как этим обращением-олицетворением, так и последующим увеличением числа эпитетов и парафраз. Дружба называется и «даром небес», и «радостью и гордостью благородных умов», и «недоступным низким душам достоянием ангелов».

В соответствии с эстетическими нормами классицизма похвала дружбе выражена в обобщенной абстрактной форме. Типично обилие отвлеченных существительных: friendship, delight, pride, love, desire, glories, joy, life, mistrust, ardours, virtue, happiness. Прилагательные не только абстрактны, но в большинстве своем имеют в лексическом значении оценочный компонент, что соответствует общей дидактико-морализирующей тенденции С. Джонсона: noble, savage, gentle, guiltless, selfish, peaceful. У всех имен существительных, называющих людей,

основным компонентом денотативного значения являются указания на моральные качества: villain, tyrant, flatterer. То же справедливо и для субстантивированных прилагательных: the blest, the brave, the just. Конкретные слова почти отсутствуют, а те немногие, которые все-таки употреблены, использованы метонимически и тоже становятся обобщениями: the human breast, the selfish bosom.

FRIENDSHIP

Friendship, peculiar boon of heaven,
The noble mind's delight and pride,
To men and angels only given,
To all the lower world denied.

While love, unknown among the blest,
Parent of thousand wild desires,
The savage and the human breast
Torments alike with raging fires.

With bright, but yet destructive gleam,
Alike o'er all his lightnings fly,
Thy lambent glories only beam
Around the fav' rites of the sky.

Thy gentle flows of guiltless joys,
On fools and villains ne'er descend;
In vain for thee the tyrant sighs,
And hugs a flatterer for a friend.

Directress of the brave and just,
O guide us through life's darksome way!
And let the tortures of mistrust
On selfish bosoms only prey.

Nor shall thine ardours cease to glow,
When souls to peaceful climes remove;
What rais'd our virtue here below,
Shall aid our happiness above.

Логическое, метрическое и синтаксическое построение полностью соответствуют друг другу. Каждая строфа состоит из одного хорошо сбалансированного предложения, границы частей которого совпадают с концами строк. В соответствии с этим почти все строки кончаются знаками

препинания: запятыми, двоеточиями, точкой с запятой, а каждая строфа — точкой.

Уравновешенности предложений способствует обилие эпитетов: *raging fires, destructive gleam, lambent glories, guiltless joys*.

Апострофа, т. е. обращение, снова используется в последней строфе, но в этом случае она сочетается с перифразой: дружба названа «руководительницей храбрых и справедливых». Все обращения выражаются через второе лицо единственного числа: *thy glories, thy joys, thine ardours, for thee*. Второе лицо единственного числа в эпоху С. Джонсона в обиходной речи уже не употреблялось и в поэзии получало возвышенную окраску.

В основе стихотворения лежит стилистическая фигура антитезы: дружба противопоставляется любви, которая рождает тысячи диких желаний и одинаково мучает дикарей и цивилизованных людей.

Большая часть лексики рассматриваемого стихотворения является возвышенной в силу возвышенности называемых понятий и общей приподнятости темы. Таковы слова, называющие дружбу, благородство, разум и т.д. Другие слова возвышенны по своим коннотативным значениям. Так, эмоции, вызываемые любовью, сравниваются с простым словом *fire*, а более высокие эмоции дружбы — с более возвышенным *ardours*, а радости дружбы — *glories*. Оба возвышенных слова — *ardours* и *glories* — романского происхождения и более абстрактны, чем их германские синонимы. Таких синонимических пар, где германское слово нейтрально в эмоциональном и стилистическом отношении, а романское характеризуется возвышенностью или торжественностью, можно привести немало. Сравните: *descend — go down, guide — lead, cease — stop, aid — help, profound — deep, glory — fame*.

Называя дружбу «даром небес», поэт употребляет редкое слово *boon* (*благословенный дар*), слово, этимологически связанное с древнеанглийскими *ben* (*мольба*).

Некоторые из встречающихся в стихотворении слов являются поэтизмами в том смысле, что вообще нигде, кроме поэзии, неупотребительны: *o'er, ne'er*¹.

Для того чтобы представить себе сущность возвышенной лексики с лингвистической точки зрения, надо учесть, что абсолютные синонимы или абсолютно равнозначные варианты в языке сохраняются недолго: раз возникнув, они имеют тенденцию размежевываться семантически, причем более редкие имеют тенденцию к абстрагированию. В связи с этим интересно заметить, что *ardours* имеет только абстрактное значение (*пыл страсти* или *пыл красноречия*), в то время как синонимичное ему исконное *fire* многозначно и имеет как абстрактные, так и конкретные лексико-

¹См. также анализ других стихотворений С. Джонсона в книге: Н. Я. Дьяконова. *Three Centuries of English Poetry*. Л., 1967. С. 16—23.

семантические варианты. Замечено при этом, что денотативное значение, имея более четко очерченные семантические границы, меньше подвержено изменениям, а коннотативное, напротив, дает большие возможности развития. Благодаря привычному употреблению в высоком стиле и частым сочетаниям со словами, означающими высокие понятия, часть слов получает в своих коннотациях торжественно-приподнятую окраску. Слова, употребительные в поэзии, ассоциируются с поэтическим контекстом и приобретают поэтическую стилистическую окраску. С другой стороны, именно эмоции требуют свежести и постоянного обновления лексики и ведут к установлению все новых и новых синонимов.

Поэзия современника С. Джонсона Томаса Грея (1716—1771) интересна для нас также как один из примеров той возвышенной лексики, которая составляет предмет данного раздела. Но она содержит элементы черт, получивших развитие только в дальнейшем, поскольку Т. Грей является предтечей европейского сентиментализма. Излюбленным жанром автора знаменитой «Элегии, написанной на сельском кладбище» были оды. Среди них одной из наиболее известных является «Ода на отдаленный вид Итонского колледжа» (1747).

Так же как только что разобранный стихотворение С. Джонсона, она начинается с апострофы. Это обращение к шпилям и башням Итона. Ниже приводится только начало оды, но и оно дает достаточно ясное представление о *poetic diction*.

Три первые строфы начинаются с обращения к башням, холмам, полям и, наконец, к Темзе. Используется архаическая форма местоимения второго лица множественного числа *ye* и особая, также приподнятая синтаксическая конструкция *ye... spires*. Лексика оды более образна и несколько более конкретна, чем лексика стихотворения С. Джонсона, и в то же время она еще более традиционно поэтична.

ODE ON A DISTANT PROSPECT OF ETON COLLEGE

Ye distant spires ye antique tow'rs,
That crown the wat'ry glade,
Where grateful Science still adores
Her Henry's holy shade;
And ye, that from the stately brow
Of Windsor's heights th' expanse below
Of grove, of lawn, of mead survey,
Whose turf, whose shade, whose flow among
Wanders the hoary Thames along
His silver winding way.

Ah, happy hills! ah, pleasing shade!
Ah fields beloved in vain,
Where once my careless childhood stray'd,
A stranger yet to pain!
I feel the gales that from ye blow,
A momentary bliss bestow,
As waving fresh their gladsome wing,
My weary soul they seem to sooth,
And, redolent of joy and youth,
To breathe a second spring.
Say, Father Thames, for thou hast seen

Full many a sprightly race
Disporting on the margin green,
The paths of pleasure trace;
Who foremost now delight to cleave
With pliant arm thy glassy wave?
The captive linnet which enthral?
What idle progeny succeed
To chase the rolling circle's speed
Or urge the flying ball?

Интерес поэта сосредоточен не на моральных принципах, а на красотах и прелестях природы и на тех чувствах и воспоминаниях, которые пробуждает в нем описываемый пейзаж. Отсюда, с одной стороны, слова — названия традиционных элементов пейзажа: *glade, grove, lawn, mead, field, turf, hills*, а с другой — слова и выражения, обозначающие чувства: *adore, happy, pleasing, beloved, gladsome, feel the gales, bestow a momentary bliss, to sooth the weary soul*.

Все эти слова имеют эмоциональные и притом приятные, коннотации. Даже слово *gale*, которое в своем современном, почти терминологическом значении называет сильный, резкий, близкий к урагану ветер, в старинной поэтической лексике имело значение *ветерок, легкое дуновение* и относилось к аромату цветов, лесов и т. п. Слово *turf* с обычным значением *дерн* здесь синонимично слову *grass*, но *grass* лишено коннотаций, нейтрально, а *turf* имело положительную эстетическую и эмоциональную окраску. Различие по сравнению с обычным словом у слова поэтического может быть не только семантическим, но и фонетическим и морфологическим. Так, *mead* [mi:d] — поэтический вариант слова *meadow* ['medou], а *gladsome* — поэтический вариант прилагательного *glad* (ср. *darksome* у С. Джонсона и современное *dark*). Подобным же образом слово *disport* (от старофранц. *desport* (er)

развлекаться) является поэтическим дублетом слова *sport*, сохранило префикс и первоначальное значение, но приобрело архаическую и поэтическую окраску.

Отрывок изобилует метафорами: шпили и башни «венчают» лужайку, они смотрят с величавого «лба» Виндзора, во второй строфе говорится о веселых «крыльях» ветра. Темза названа «седой» и олицетворяется с помощью местоимения *his*; в третьей строфе это олицетворение развернуто дальше: поэт обращается к реке и называет ее *Father Thames*.

Синтаксис характеризуется плавными развернутыми периодами, специальными конструкциями торжественных обращений (*Ye distant spires... that crown...*) и восклицательными предложениями.

Морфологические формы архаичны: *thou hast seen*.

Поэтические правила распространяются на орфографию: гласная, которая нарушает счет слогов, хотя она и не произносится, заменяется апострофом: *Tow'rs, wafry, th' expanse*.

Ода Т. Грея может служить примером классического поэтического стиля¹.

В начале XIX века каноны поэтического языка, провозглашенные классицистами, были отвергнуты романтиками. Романтики отстаивали эмоционально-эстетическую ценность речевого своеобразия. Они стремились обогатить поэтический язык новой лексикой, черпая ее из разных источников. В. Скотт широко использует диалектизмы, Дж. Китс обновляет поэтическую лексику, вводя архаизмы, П. Б. Шелли находит новые выразительные средства в античной литературе, У. Вордсворт призывает отказаться от особого поэтического словаря и пользоваться в поэзии словами и формами живого разговорного языка.

Вопросы языка и стиля играли очень большую роль в литературной борьбе начала XIX века. Предисловие У. Вордсворта ко второму изданию его «Лирических баллад» (1800) было литературным манифестом, в котором он протестовал против условностей высокого стиля, указывая, что поэзия должна обращаться ко всем людям.

У. Вордсворта немало критиковали за примитивизм, стилизацию под язык «поселян», за то, что внимание к народной речи сочетается у него с идеализацией патриархального уклада сельского мещанства, за отождествление доступности с обыденностью. Тем не менее современные исследователи признают, что именно он предложил новую точку зрения на живую народную речь, его творчество сыграло немалую роль в «расшатывании» старого классического стиля. Подобно У. Вордсворту, Дж. Байрон способствовал освобождению языка поэзии от традиционной риторики А. Попа и С. Джонсона. П. Б. Шелли искал в общенародном языке расширение образных возможностей, которые могли бы передать читателю его эмоции, его отношение к действительности. Романтики

¹ См. анализ стихотворений Т. Грея в цитированной выше работе Н. Я. Дьяконовой.

отвергают классическое деление слов на пригодные для поэзии «возвышенные» слова с широким значением и непригодные «низкие» с узким значением. Они часто предпочитают пользоваться именно словами с узким значением, так как они позволяют создавать более конкретные ассоциации и тем сильнее воздействовать на эмоции читателя. Эмотивная функция, которой классицисты пренебрегали, выходит на первый план. Для классицистов отбор выразительных средств определялся жанром, для романтиков жанровый критерий теряет свою обязательность. Каждое выразительное средство, каждое слово или оборот расцениваются в зависимости от их пригодности для выражения данного чувства, данной идеи данного автора в данном контексте. Поэты стремятся теперь использовать разнообразные средства, в том числе и столкновение разнотипных элементов. В «Паломничестве Чайльд Гарольда» Дж. Байрона взаимодействуют и комбинируются фольклорные, архаические и классические элементы. Яркая выразительность обеспечивается спонтанностью и индивидуальностью речи. Канонический поэтический стиль становится помехой, и poetic fiction перестает существовать.

Впрочем, надо признать, что стремление к сближению поэзии с живой речью, которое лучше позволяет поэту передать свои мысли и чувства читателю, и борьба против условностей поэтического языка, застывших образов, традиционных эпитетов, шаблонных фразеологизмов присущи не только романтическому периоду — они составляют постоянный элемент истории поэзии во все времена. Мы встречаемся с ними в любой эпохе. Что касается современной поэзии, то читателям известно, как настойчиво вводит в стихи прозаическую лексику Т. С. Элиот. В одной из своих критических статей он писал: «Установить точные законы о связи поэзии с разговорной речью невозможно. Каждая революция в поэзии имеет тенденцию быть возвращением к обиходной речи, а иногда и заявляет об этой тенденции. Такой была революция, которую провозгласил в своем Предисловии Вордсворт, и он был прав. Но такую же революцию произвели до него Олдхем, Уоллер, Денхем и Драйден, и такая же революция должна была прийти приблизительно столетием позже. Последователи революции развивают поэтическую речь в том или ином направлении; они полируют и совершенствуют ее; тем временем разговорная речь продолжает меняться и поэтическая речь оказывается устаревшей. Мы, вероятно, не можем себе представить, как естественно должна была звучать речь Драйдена для его наиболее тонко чувствующих язык современников. Никакая поэзия, конечно, не может быть тождественной тому, что поэт говорит или слышит в разговоре, но она должна находиться в таком отношении к разговорной речи, его времени, чтобы читатель или слушатель мог сказать: «вот так я должен был бы говорить, если бы мог говорить стихами»¹.

¹ Eliot T. S. Selected Prose. A Collection / Ed. by J. Hayward. Penguin Books, 1958. P. 58.

В современном английском языке, несмотря на отсутствие специального поэтического стиля, сохраняется слой лексики, который в силу ассоциаций с поэтическими контекстами имеет в постоянном коннотативном значении входящих в него слов компонент, который можно назвать поэтической стилистической коннотацией. Этот компонент устойчив, и словари помечают его специальной пометой *poet.*, а лексикологи называют такие слова *поэтизмами*. В их число входят не только те высокие слова, которые признавались еще классицистами, но и архаические и редкие слова, введенные в поэтический обиход романтиками.

Для того чтобы показать факт существования и использования поэтизмов в наше время, приведем юмористическое стихотворение Дж. Апдайка, который смеется над поэтессой, следующей поэтическим канонам:

POETESS

At verses she was not inept!
Her feet were neatly numbered.
She never cried, she softly wept,
She never slept, she slumbered.

She never ate and rarely dined,
Her tongue found sweetmeats sour.
She never guessed, but oft divined
The secrets of a flower.
A flower! Fragrant, pliant, clean,
More dear to her than crystal.
She knew what earnings dozed between
The stamen and the pistil.

Dawn took her thither to the wood,
At even, home she hithered.
Ah, to the gentle Pan is good
She never died, she withered.

4. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

Отличительные черты каждого стиля зависят от его социального назначения и той комбинации языковых функций, которая преобладает в акте коммуникации, а следовательно, от сферы общения, от того, имеет ли общение своей целью, или, во всяком случае, своей главной целью, сообщение сведений, выражение эмоций, побуждение к каким-либо действиям. Принято считать, что единственной функцией научного стиля является функция интеллектуально-коммуникативная, дополнительные функции факультативны.

Научный стиль, таким образом, характерен для текстов, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо специальной области и для закрепления процесса познания. Наиболее бросающейся в глаза, но не единственной особенностью этого стиля является использование специальной терминологии. Каждая отрасль науки вырабатывает свою терминологию в соответствии с предметом и методом своей работы. Свою специальную терминологию имеют и разные области культуры, искусства, экономической жизни, спорта и т. д.

Однако присутствие терминов не исчерпывает особенностей научного стиля. Научный текст, или устно произнесенный научный доклад, или лекция отражают работу разума и адресованы разуму, следовательно, они должны удовлетворять требованиям логического построения и максимальной объективности изложения.

Стилеобразующими факторами являются необходимость доходчивости и логической последовательности изложения сложного материала, большая традиционность. Отсутствие непосредственного контакта или ограниченность контакта с получателем речи (доклад, лекция) исключает или сильно ограничивает использование внеязыковых средств; отсутствие обратной связи требует большей полноты. Синтаксическая структура должна бытьстройной, полной и по возможности стереотипной. В качестве примера научного текста приведем отрывок из знаменитой книги родоначальника кибернетики Норберта Винера (1894—1964) «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Отрывок взят из раздела, в котором автор, показав, как в разные исторические эпохи развивалась мечта человечества об автоматическом механизме, подводит читателя к выводу о том, что в наше время исследование автоматов — из металла или из плоти — представляет собой отрасль техники связи и фундаментальными понятиями являются понятия сообщения, количества помех, или «шума», количества информации, методов кодирования и т.д. Н. Винер доказывает, что автоматы и физиологические системы можно охватить одной теорией и что создавать автоматические механизмы надо по принципам физиологических

механизмов, т.е. исследуя принципы передачи информации и управления в живых организмах. Вот этот текст:

To-day we are coming to realize that the body is very far from a conservative system, and that its component parts work in an environment where the available power is much more limited than we have taken it to be. The electronic tube has shown us that a system with an outside source of energy, almost all of which is wasted, may be a very effective agency for performing desired operations, especially if it is worked at a low energy level. We are beginning to see that such important elements as the neurons, the atoms of the nervous complex of our body, do their work under much the same conditions as vacuum tubes, with their relatively small power supplied from outside by the circulation, and that the book-keeping which is most essential to describe their function is not one of energy. In short, the newer study of automata, whether in the metal or in the flesh, is a branch of communication engineering, and its cardinal notions are those of message, amount of disturbance or "noise" — a term taken over from the telephone engineer — quantity of information, coding technique, and so on.

In such a theory we deal with automata effectively coupled to the external world, not merely by their energy flow, their metabolism, but also by a flow of impressions, of incoming messages, and of the actions of the outgoing messages. The organs by which impressions are received are the equivalents of the human and animal sense organs. They comprise photoelectric cells and other receptors for light; radar systems receiving their own short Hertzian waves; Hydrogen-ion-potential recorders, which may be said to taste; thermometers; pressure gauges of various sorts; microphones and so on. The effectors may be electrical motors or solenoids or heating coils or other instruments of very diverse sorts. Between the receptor or sense organ and the effector stands an intermediate set of elements whose function is to recombine the incoming impressions into such form as to produce a desired type of response in the effectors. The information fed into this central control system will very often contain information concerning the functioning of the effectors themselves. These correspond among other things to the kinesthetic organs and other proprioceptors of the human system, for we too have organs which record the position of a joint or the rate of contraction of a muscle, etc. Moreover, the information received by the automaton need not be used at once but may be delayed or stored so as to become available at some future time. This is the analogue of memory. Finally, as long as the automaton is running, its very rules of operation are susceptible to some change on the basis of the data which have passed through its receptors in the past, and this is not-unlike the process of learning.

The machines of which we are now speaking are not the dream of a sensationalist nor the hope of some future time. They already exist as thermostats, automatic gyrocompass ship-steering systems, self-propelled

missiles—especially those that seek their target — anti-aircraft fire-control systems, automatically-controlled oil-cracking stills, ultra rapid computing machines, and the like. They had begun to be used long before the war — indeed the very old steam-engine governor belongs among them — but the great mechanisation of the Second World War brought them into their own, and the need of handling the extremely dangerous energy of the atom will probably bring them to a still higher point of development. Scarcely a month passes but a new book appears on these so-called control mechanisms, or servo-mechanisms, and the present age is as truly the age of servo-mechanisms-as the nineteenth century was the age of steam engine or the eighteenth century the age of the clock.

To sum up: the many automata of the present age are coupled to the outside world both for the reception of impressions and for the performance of actions. They contain sense organs, effectors and the equivalent of a nervous system to integrate the transfer of information from the one to the other. They lend themselves very well to the description in physiological terms. It is scarcely a miracle that they can be subsumed under one theory with the mechanisms of physiology¹.

Рассмотрим прежде всего синтаксическую структуру этого текста.

В нем преобладают сложноподчиненные предложения. Немногочисленные простые предложения развернуты за счет однородных членов. Во всем этом довольно обширном тексте только два коротких простых предложения, и самая краткость их выделяет весьма важные мысли, которые в них содержатся.

This is the analogue of memory.

They lend themselves very well to description in physiological terms.

Отдельные члены предложений развернуты. Необходимость полноты изложения приводит к широкому использованию различных типов определений. Почти каждое существительное в приведенном отрывке имеет постпозитивное или препозитивное определение или и то и другое одновременно. Специфичными для технических текстов, в особенности таких, в которых идет речь о приборах или оборудовании, являются препозитивные определительные группы, состоящие из целых цепочек слов: hydrogen-ion-potential recorders, automatic gyrocompass ship-steering systems, anti-aircraft fire-control systems, automatically-controlled oil-cracking stills.

Большое развитие определений этого типа связано с требованием точного ограничения используемых понятий. По этой же причине многие слова поясняются предложными, причастными, герундиальными и инфинитивными оборотами.

¹ Wiener N. Cybernetics of Control and Communication in the Animal and the Machine. NY—Ldn, 1961. P. 42—43.

Связи между элементами внутри предложения, между предложениями внутри абзацев и абзацами внутри глав выражены эксплицитно, что ведет к обилию и разнообразию союзов и союзных слов: that, and that, than, if, as, or, nor...

Для научного текста характерны двойные союзы: not merely... but also, whether... or, both... and, as... as... Во многих научных текстах встречаются также двойные союзы типа thereby, therewith, hereby, которые в художественной литературе стали уже архаизмами.

Порядок слов преимущественно прямой. Инверсия в предложении *Between the receptor or sense organ and the effector stands an intermediate set of elements* служит для обеспечения логической связи с предыдущим.

Важную роль в раскрытии логической структуры целого играет деление на абзацы. Каждый абзац в рассматриваемом тексте начинается с ключевого предложения, излагающего основную мысль. Для усиления логической связи между предложениями употребляются такие специальные устойчивые выражения, как *to sum up, as we have seen, so far we have been considering*.

Той же цели могут служить и наречия *finally, again, thus*. Употребление их в научном тексте специфично, т.е. сильно отличается от употребления их в художественной прозе.

Авторская речь построена в первом лице множественного числа: *we are coming to realize, we have taken it to be, the tube has shown us, we are beginning to see, we deal with, we are now speaking*. Это «мы» имеет двойное значение. Во-первых, Н. Винер везде подчеркивает, что новая наука создана содружеством большого коллектива ученых, и, во-вторых, лекторское «мы» вовлекает слушателей и соответственно читателей в процесс рассуждения и доказательства. Интересно также отметить сравнительно частое употребление настоящего продолженного и будущего вместо простого настоящего: *the information will very often contain*, что придает изложению большую живость.

Экспрессивность в научном тексте не исключается, но она специфична. Преобладает **количественная экспрессивность**: *very far from conservative, much less limited, almost all of which, very effective, much the same, most essential, very diverse sorts, long before the war* и т. д. **Образная экспрессивность** встречается преимущественно при создании новых терминов. В данном тексте это взятое в кавычки слово "noise", которое тут же раскрывается синонимичным описательным выражением *amount of disturbance* и поясняется автором как термин, заимствованный у специалистов по телефонии. Первоначально образный термин в дальнейшем закрепляется в терминологии и, получив дефиницию, становится прямым наименованием научного понятия. Так это в дальнейшем и произошло со словом *noise*, и оно уже давно употребляется без кавычек.

В других текстах экспрессивность может заключаться в указании важности излагаемого. Логическое подчеркивание может быть, например, выражено лексически: *note that...*, *I wish to emphasize...*, *another point of considerable interest is...*, *an interesting problem is that of...*, *one of the most remarkable of... phenomena is...*, *it is by no means trivial....* Все эти выражения являются для научного текста устойчивыми.

Экспрессивность выражается также в имплицитной или эксплицитной заявке отправителя речи на объективность, на достоверность сообщаемого.

Общая характеристика лексического состава этого или любого другого научного текста включает следующие черты: слова употребляются либо в основных прямых, либо в терминологических значениях, но не в экспрессивно-образных. Помимо нейтральных слов и терминологии употребляются так называемые книжные слова: *automaton* — *automata*, *perform*, *cardinal*, *comprise*, *susceptible*, *analogous*, *approximate*, *calculation*, *circular*, *heterogeneous*, *initial*, *internal*, *longitudinal*, *maximum*, *minimum*, *phenomenon-phenomena*, *respectively*, *simultaneous*. Слова других стилей не используются.

Книжные слова — это обычно длинные, многосложные заимствованные слова, иногда не полностью ассимилированные, часто имеющие в нейтральном стиле более простые и короткие синонимы. Неполная грамматическая ассимиляция выражается, например, в сохранении формы множественного числа, принятой в языке, из которого данное существительное заимствовано: *automaton* — *automata*.

Рассмотрение отрывка из книги Н. Винера позволяет показать многие характерные черты научного текста, хотя, несомненно, неповторимая индивидуальность большого ученого неизбежно сказывается на языке, уменьшает стереотипность, приближая текст к художественному. Укажем дополнительно некоторые типические черты научных текстов, касающиеся их морфологии. Эти черты изучены меньше, чем лексические, но все же некоторые наблюдения имеются. Все авторы, занимавшиеся этим вопросом, отмечают преобладание именного стиля. Преобладание в научном стиле именных, а не глагольных конструкций дает возможность большего обобщения, устраняя необходимость указывать время действия. Сравните:

when we arrived at the time of our arrival
when we arrive

По этой же причине в научном стиле заметное предпочтение отдается пассиву, где необязательно указывается деятель, и неличным формам глагола. Вместо *I use the same notation as previously* пишут: *The notation is the same as previously used*. Наряду с первым лицом множественного числа, представленным в тексте из книги Н. Винера, широко употребляются безличные формы *It should be borne in mind*, *it may*

be seen и конструкции с one: one may write, one may show, one may assume, one can readily see. Частотное распределение частей речи в научном тексте отличается от того, которое наблюдается в нейтральном или разговорном стиле: увеличивается процентное содержание имен, уменьшается содержание глаголов в личной форме, совсем отсутствуют междометия.

Стоит упомянуть особую, характерную для научного текста форму замещения конструкциями: that of, those of, that + Part. В той же книге Н. Винаера находим такой пример:

To cover this aspect of communication engineering we had to develop a statistical theory of the amount of information, in which the unit of the amount of information was that transmitted as a single decision between equally probable alternatives. This idea occurred at about the same time to several writers, among them the statistician R. A. Fisher, Dr. Shannon of the Bell Telephone Laboratories, and the author. Fisher's motive in studying this subject is to be found in classical statistical theory; that of Shannon in the problem of coding information; and that of the author in the problem of noise and message in electrical filters¹.

Исследования грамматических особенностей технических текстов показали, например, что термины, обозначающие вещество и отвлеченное понятие, имеют особенности по сравнению с соответствующими разрядами существительных в общелитературном языке в своем отношении к категории числа. Они употребляются в обеих числовых формах без сдвига лексического значения и могут определяться числительными: Normally two horizontal permeabilities are measured. Объясняется это не ограничениями внутриязыкового порядка, а экстралингвистическими причинами. Чем глубже наука проникает в законы природы, тем более тонкой становится дифференциация видов вещества и свойств предметов. Для неспециалиста сталь — одно понятие, металлург знает много разных сталей.

Такова общая характеристика научного стиля в современном английском языке.

¹ Wiener N. Op. cit. P. 10.

5. ГАЗЕТНЫЙ СТИЛЬ

Система функциональных стилей находится в состоянии непрерывного развития. Сами стили обособлены в разной степени: границы некоторых из них определить нелегко, а стили как таковые трудно отделить от жанров. Эти трудности особенно заметны, когда речь идет о стиле газет.

В книге И. Р. Гальперина «Очерки по стилистике английского языка» газетному стилю посвящен большой раздел главы о речевых стилях. Внутри газетного стиля этот автор различает две разновидности: а) стиль газетных сообщений, заголовков и объявлений, которые и составляют, по мнению И. Р. Гальперина, существо газетного стиля, и б) стиль газетных статей, составляющий разновидность публицистического стиля, куда также входят **стиль ораторский и стиль эссе**¹.

М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев, авторы «Стилистики английского языка», считают, что объединять специфические черты языка газеты в понятие газетного стиля неправомерно, поскольку при этом признаки функционального стиля подменяются признаками жанра. Эти авторы также указывают на то, что в разных разделах газеты: передовых статьях, текстах политических документов и выступлений, в статьях по различным вопросам культурной жизни, науки и техники — отражаются различные стилевые системы языка. Наряду с публицистическим стилем в газете можно встретить и официально-деловой при публикации документов общего значения, и научный; наконец, в газетах публикуются и художественные произведения или отрывки из них².

Некоторые авторы предлагают выделять не газетный, а информационный стиль, который может использоваться в газете, на радио и телевидении. Его также называют стилем массовой коммуникации.

Выделить общие черты газетного стиля все же можно, а для стилистики как науки предметом является общее и закономерное, а не возможные частности. Выделяем же мы научный стиль, хотя и там, безусловно, имеется жанровая дифференциация: язык журнальной статьи отличается от отчета о проделанном эксперименте, а техническая документация сочетает в себе черты официально-делового и научного стилей. Совершенно очевидно, что система экстралингвистических стилеобразующих факторов имеет много общего даже в разных типах газетных материалов, а поскольку организация языковых элементов стиля самым тесным образом зависит от экстралингвистических факторов, специфика газеты как общественного явления и вообще специфика

¹Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 383-405;
Galperin I.R. Stylistics. М., 1977. С. 295-307.

²Кузнец М.Д., Скребнев Ю. М. Указ. соч. С. 124.

массовой коммуникации объективно приводят к необходимости признания газетного стиля как одного из функциональных стилей. Социальная ситуация общения для газеты весьма специфична. Газета — средство информации и средство убеждения. Она рассчитана на массовую и притом очень неоднородную аудиторию, которую она должна удержать, заставить себя читать. Газету обычно читают в условиях, когда сосредоточиться довольно трудно: в метро, в поезде, за завтраком, отдыхая после работы, в обеденный перерыв, заполняя почему-либо освободившийся короткий промежуток времени и т. п. Отсюда необходимость так организовать газетную информацию, чтобы передать ее быстро, сжато, сообщить основное, даже если заметка не будет дочитана до конца, и оказать на читателя определенное эмоциональное воздействие. Изложение не должно требовать от читателя предварительной, подготовки, зависимость от контекста должна быть минимальной. Вместе с тем наряду с обычной, постоянно повторяющейся тематикой в газете появляется практически любая тематика, почему-либо оказывающаяся актуальной. Затем эти новые ситуации и аргументы тоже начинают повторяться. Эта повторность, а также и то, что журналист обычно не имеет времени на тщательную обработку материала, ведут к частому использованию штампов. Все это и создает своеобразие стилеобразующих факторов газетного текста.

Стили различаются между собой не столько наличием специфических элементов, сколько специфическим их распределением. Поэтому наиболее показательной характеристикой функционального стиля является характеристика статистическая. Статистическое выделение функционального стиля осуществляется методом корреляционного анализа, для чего из нескольких сотен текстов отбираются по методу случайных чисел отрывки по 100 словоупотреблений в каждом и подсчитывается, как в этих отрывках представлены те или иные признаки, выбранные в качестве характеризующих стиль, например классы слов. Таким образом выявляется отличающее этот стиль распределение классов слов.

При количественно-качественной характеристике газетной лексики исследователи отмечали большой процент собственных имен: топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций и т. д., более высокий по сравнению с другими стилями процент числительных и вообще слов, относящихся к лексико-грамматическому полю множественности¹, и обилие дат. С точки зрения этимологической характерно обилие интернациональных слов и склонность к инновациям, которые, однако, весьма быстро превращаются в штампы: *vital issue*, *free world*, *pillar of society*, *bulwark of liberty*, *escalation of war*. Обилие клише замечено давно и указывается всеми исследователями.

¹ Об этом см.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 18-40.

Рассматривая лексику в денотативном плане, многие авторы отмечают большой процент абстрактных слов, хотя информация, как правило, конкретна. В плане коннотаций отмечается обилие не столько эмоциональной, сколько оценочной и экспрессивной лексики: *When the last Labour Government was kicked out. (Daily Mail)*¹. Эта оценочность часто проявляется в выборе приподнятой лексики. Английских журналистов часто упрекают в том, что они используют претенциозную лексику, за которой кроется предвзятость суждений: *historic, epoch-making, triumphant, unforgettable* — и приподнятую архаическую военную лексику, предназначенную для эмоциональной вербовки читателя на удобную для хозяев газеты сторону: *banner, champion, clarion, shield*.

Все эти свойства самым непосредственным образом связаны с характером передаваемой информации и перечисленными выше функциями газетного стиля. Газетному и публицистическому стилям свойственны все языковые функции за исключением эстетической и контактоустанавливающей. Следует, конечно, оговориться, что это справедливо по отношению не ко всем газетным материалам. Статьи и публицистика могут в большей или меньшей степени приближаться то к научному, то к художественному тексту и иметь соответствующий набор функций. Впрочем, вероятно, правильнее сказать, что эстетическая и контактоустанавливающая функции не отсутствуют, а имеют особый характер и выполняются главным образом графическими средствами: шрифтами, заголовками, которые должны бросаться в глаза и привлекать к себе внимание даже издали, делением на полосы и распределением одной статьи по разным страницам, чем увеличивается шанс каждой статьи попасться читателю на глаза, особыми заголовками к параграфам.

Специфическое построение английских газетных заголовков служит различным целям: они должны заставить читателя заинтересоваться заметкой и обеспечивают компрессию информации.

1. Italy's radio, TV workers on strike
2. Apollo trail-blazers back relaxed and joking
3. Back to work — to kill the bill
4. Ugly noises from Los Angeles mayor's nest
5. Convict sentenced to life for coffin girl kidnap

В первом примере заглавие кратко передает содержание информации. Специфична только краткость — опущение глагола, употребление буквенной аббревиатуры. Никаких предварительных знаний ситуации от читателя не требуется. Во втором примере, наоборот, читатель безусловно знаком с ситуацией, он ожидает новостей о подробностях возвращения американских астронавтов, шутливый эпитет очень богат

¹ Романовская Н. В. О глагольной экспрессии в газетном стиле // Сборник научных трудов МГИИЯ им. М. Тореца. 1973. Вып. 73.

коннотациями, тут и признание величия свершенного, и известная фамильярность по отношению к астронавтам; личная форма опять отсутствует по законам компрессии; и наконец, последние слова обещают читателю, что заметка содержит какие-то сведения, полученные от очевидцев. Третий заголовок хорошо запоминается благодаря рифмовке и четкому ритму, и это важно, так как статья под ним — агитационная. Она призывает к борьбе против билля, ограничивающего право забастовок. Четвертый дает очень смутное представление о том, какова тема статьи, но зато ориентирует читателя в смысле отношения к описываемым фактам, их оценки и использует игру слов: *mayor's nest* омонимично *mare's nest* — выражению, которое значит *нелепая выдумка*, а речь идет о махинациях на выборах, причем один из кандидатов — мэр города Лос-Анджелеса. Вниманию привлекается сатирической направленностью заглавия, читатель заинтересован и захочет прочесть заметку. Последнее заглавие рассчитано на любителей сенсационных происшествий. Суть дела сжата в одном предложении и передана точно, но довольно загадочно и заставляет прочесть заметку с рассказом о том, как бежавший из тюрьмы преступник похитил дочь миллионера с целью получить за нее выкуп и спрятал ее в каком-то деревянном ящике, девушку спасли, а преступника осудили. Очень характерно использование атрибутивной цепочки, смысл которой понятен только по прочтении заметки.

Атрибутивная цепочка как эффективный способ компрессии информации характерна как для заголовков, так и для текста газетных сообщений. Вот несколько примеров:

1. The Nuremberg war crimes tribunal
2. 60 part-time nursery pupils
3. The Post Offices two-tier postal system

Стилеобразующими факторами для газетных заголовков являются те же факторы, которые указаны выше для газетного стиля вообще, с той только разницей, что в заголовке все эти факторы действуют особенно сильно и требование компрессии информации и привлечение внимания и интереса читателя оказываются особенно настоятельными.

Характерна концентрическая подача информации, облегчающая читателю возможность выбрать в газете то, что его интересует. Заголовок дает самую общую ориентацию. По подсчетам С. П. Суворова¹, заголовок в *Daily Worker* состоял в среднем из пяти слов и нередко на первом месте содержал слово, которое сообщало, о чем идет речь. Это слово дается совершенно самостоятельно. Например, *Dockers: Union Move*. Подзаголовок, если он дается, расширяет информацию, он набирается менее крупным шрифтом, но все же полиграфически всегда выделен: 28

¹ Суворов С. П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам *Daily Worker*) / Язык и стиль. М., 1965. С. 193.

days strike notice now given. Первые несколько строк самого текста (иногда набранные жирным шрифтом) содержат изложение сути сообщения. Далее следуют подробности, которые частично набираются петитом.

Таким образом, читатель может получить самое общее представление о главных событиях дня по заголовкам и подзаголовкам и прочесть полностью только то, что его особо интересует.

Газетные заголовки представляют большой интерес как материал для исследования компрессии информации. С. П. Суворов, исследовавший этот вопрос на заголовках коммунистической прессы с некоторой количественной оценкой наблюдений, отмечает следующее: около 65% обследованных им заголовков имеют предикатный характер. Однако при этом в сложных глагольных формах вспомогательный глагол бывает опущен: Ministers invited to No 10 Downing Street значит не "Министры, приглашенные в дом 10 по Даунинг-стрит (резиденция премьер-министра)", а "Министры приглашены... ." To be опускается так же, как глагол-связка или модальный глагол: Oil men's strike to go on вместо Oil men's strike is to go on.

Компрессия также осуществляется с помощью более частого, чем в других функциональных стилях, использования простого настоящего от знаменательных глаголов:

Tenants wait to see what Labour brings, хотя в тексте при более развернутом изложении написано: are waiting to see.

Наряду с предикатными, как их называет С. П. Суворов, заголовками широко используются именные группы, более компактные, чем соответствующие им предложения, но легко развертываемые:

Sinking houses on a new estate → Houses on a new estate are sinking.

Именные группы, составляющие меньшинство, но все же представленные довольно значительным числом случаев, могут иметь правое или левое определение. Правое определение представлено преимущественно предложными оборотами. Это понятно, поскольку причастие или инфинитивные определения в этой системе оказались бы двусмысленными: их легко было бы спутать с предикативной группой с опущенным глаголом be. В числе предлогов, оформляющих правое определение, почти не встречается предлог of. Это объясняется тем, что такой определительный предложный оборот синонимичен препозитивному определению, которому ввиду его большей компактности и отдается предпочтение. (Ср.: Minister of War и War Minister.)

Цепочка левых определений является одним из наиболее действенных средств компрессии. Отмечается также тенденция к опущению артиклей.

В газетных заголовках мы вновь сталкиваемся со стилистической функцией расхождения между ситуативно означающим и традиционно означающим и с диалектическим характером стилистической нормы.

Действительно, принцип компрессии требует исключения избыточной личной формы глагола *be*, ее отсутствие становится привычным.

В качестве отклонения от возникшей таким образом нормы *is* или *are* вновь появляются как особый стилистический прием, создающий эмфазу или заставляющий предположить, что цитируются чьи-то слова, хотя кавычки и отсутствуют: *Dock dispute: the gap is as wide as ever*.

В. Л. Наер отмечает, что в газетном заголовке элементы информации сочетаются с элементами оценки, что в заголовках используется лексика с различной стилистической окраской, каламбур, разложение фразеологических единиц и другие стилистические приемы.

Многие исследователи газетного стиля отмечают также множество цитат прямой речи и развитую систему различных способов передачи чужой речи. Один из специфически газетных способов — недословная, сокращенная передача речи с примечаниями журналиста в запятых; цитируемая речь приводится при этом без кавычек. Такую прямую речь называют «вольной прямой речью», «неотмеченной» или «адаптированной». Но, разумеется, еще больше случаев прямой речи, отмеченной кавычками. Слова, вводящие чужую речь, могут содержать оценочную коннотацию. Иногда сама цитата, данная в кавычках, содержит ироническую переделку содержания того или иного высказывания. Небольшая заметка в газете *Morning Star* называется:

"PLEASE, CAN I MOVE MY GRAVE?"

Mr Bailey wants to move a tomb — his own tomb — from one part of his garden to another.

He had planning permission to dig, so to speak, his own grave in the first place, so now he seeks permission to change the location. He hasn't installed the tomb yet. The application came before Tees-side council's planning committee yesterday.

Mr Bailey, Alfred to his friends, headed his application "Re-siting of approved tomb to bury Bailey in". There was mention of "a concrete slab to hold him down" and "marble mosaic to write his life story on".

STONE SLAB

There was a sectional drawing showing a coffin on top of a stone slab.

North Riding country council gave permission for the tomb before Summit House, Marton, where Mr Bailey lives (and is dying to be buried) passed to Tees-side.

Tees-side yesterday deferred a decision. "I am against people being allowed to be buried all over the place," said Aid. Mrs M. E. Jackson, a member of the committee.

Первая и последняя цитаты не воспроизводят сказанное дословно, а, передавая существо высказывания, придают всей заметке, написанной как будто вполне объективно, абсурдное и комическое звучание.

Из лексико-фразеологических особенностей газеты надо отметить замену простого глагола устойчивым сочетанием, что добавляет в каждое предложение лишние слоги и создает впечатление большей плавности: *render imperative, militate against, make contact with, be subjected to, have the effect of, play a leading part (role) in, take effect, exhibit a tendency to, serve the purpose of* и т.д. В таких сочетаниях чаще всего участвуют глаголы широкой семантики, такие, как *prove, render, serve, form, play*, сочетающиеся с абстрактными существительными или прилагательными. Используются они часто в пассивной форме: *greatly to be desired, a development to be expected, brought to a satisfactory conclusion*.

Предложным оборотам всегда отдается предпочтение перед герундием (*by examination of*, а не *by examining*).

Аналогичное явление наблюдается в области союзов и предлогов, где простые короткие слова заменяются такими оборотами, как *with respect to, having regard to, in view of, on the hypothesis that*.

Все эти клише, так же как некоторые литоты типа *not unimportant, not unworthy, not inevitable* и т. п., придают тексту глубокомысленное звучание, даже если его содержание совершенно банально, например: *in my opinion it is not an unjustifiable assumption that* вместо *I think*.

Если подходить с точки зрения процесса кодирования, то такие готовые трафареты очень облегчают задачу журналиста или оратора, так как они уже организованы ритмически. Вместе с тем они нередко избавляют оратора от необходимости думать.

Грамматическое своеобразие языка газеты в информационном стиле исследовано В. Л. Наером¹. Он отмечает своеобразие в использовании времен и залогов, высокий удельный вес неличных форм, уже упомянутые выше обилие сложных атрибутивных образований, особые формы введения прямой речи и преобразования прямой речи в косвенную, а также особенности в порядке слов. Так, например, этот автор обращает внимание на положение обстоятельств определенного времени не в начале и не в конце предложения, как обычно, а между подлежащим и сказуемым, что концентрирует своей необычностью внимание на сказуемом: "*A group of Tory backbenchers yesterday called for severe restrictions on the CND Easter peace demonstration*" (*Morning Star*). Само обстоятельство времени при этом отодвинуто в тень, оно не существенно, так как газетная информация, как правило, описывает события, имевшие место накануне. При наличии в предложении нескольких разных обстоятельств обстоятельство определенного времени должно по правилам нормативной

¹ См. Наер В. Л. Об одной грамматической тенденции в языке газетной информации. // Иностранный язык в высшей школе. Вып. 2. М., 1963. С. 97-107; Суворов С. Л. Указ. соч.: см. также: Bastian O. C. *Editing the Day's News*. NY, 1956.

грамматики стоять последним, однако в газетных сообщениях этот порядок часто нарушается, поскольку информацию несут больше обстоятельства места, а не времени, обстоятельства места выражаются оборотами из нескольких слов и отодвигаются в конец предложения.

В последние годы лингвисты обратили внимание на возникновение особого стиля в языке рекламы. Его особенности описаны в работе английского ученого Дж. Лича¹.

6. РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ

Интерес к особенностям разговорной речи не ослабевает в лингвистике вот уже несколько десятилетий, и лингвистическая литература вопроса почти необозрима.

Стилистическая дифференциация затруднена тем, что, как уже говорилось выше, границы стилей весьма расплывчаты. Статистически установить общую характеристику стилей возможно, однако отдельные разговорные слова в своей стилистической характеристике еще подвижнее, чем слова других стилей, поэтому последние издания словаря Вебстера вообще не употребляют помету *colloquial*, мотивируя это тем, что о разговорности слова вообще нельзя судить.

Еще более затруднена дифференциация внутри разговорного стиля. Все авторы почти единодушно выделяют в нем литературно-разговорный и фамиллярно-разговорный (с подгруппой детской речи), выделение третьего подстиля—просторечия—оказывается более спорным, но мы по указаным выше причинам от него не отказываемся.

Весьма существенно представить себе соотношение разговорного стиля с формой и видом речи. Разговорный стиль порожден устной формой речи, и специфические его особенности в значительной степени зависят именно от устной речи. Но формы и стиль речи не тождественны, и возможность использования разговорного стиля в письменной форме не исключена. Он встречается, например, в частной переписке и рекламе. Что касается видов речи, то есть диалогического или монологического вида, то определяющим, формирующим видом является диалог, хотя монолог и не исключается. В литературных произведениях это преимущественно внутренний монолог.

Таким образом, термины «*стиль*», «*форма*» и «*вид*» речи несинонимичны, и обозначаемые ими референты могут сочетаться по-разному.

Стилеобразующими факторами для разговорного стиля являются реализуемые в разговорной речи функции языка, причем в разговорной речи реализуются все функции языка за исключением эстетической.

¹ Leech O. N. English in Advertising. A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. Ldn, 1966.
Leech G. N. Principles of Pragmatics. Ldn., 1985.

Впрочем, исключение эстетической функции в известной мере условно, и можно было бы привести случаи, когда реализуется и она, просто эта функция здесь менее характерна, чем в других стилях, и роль ее здесь много меньше, чем роль контактоустанавливающей и эмотивной функций.

Чрезвычайно важную роль играют социолингвистические факторы, т.е. принятые нормы речевого поведения и принцип вежливости¹.

Большую стилиобразующую роль играют также две противоположные тенденции, связанные с конкретными условиями общения (т. е. прежде всего с его устной формой), а именно **компрессия**, которая приводит к разного рода неполноте выражения, и **избыточность**. На них мы и остановимся в первую очередь.

Компрессия проявляется на всех уровнях — она может быть фонетической, морфологической, синтаксической и во всех случаях подчиняется законам теории информации в том смысле, что подвергаются компрессии семантически избыточные элементы. Употребление усеченной формы, т. е. фонетическая редукция вспомогательных глаголов, является характерной особенностью английской разговорной формы: *it's, it isn't, I don't, I didn't, you can't, you've, we'll* и т. д. В тех случаях, когда усеченные формы глагола *have I've* и *he's* оказываются недостаточными для передачи значения иметь, обладать, используется конструкция с глаголом *get*: *I've got, he's got*; эта же конструкция выполняет и модальную функцию, свойственную *have + Inf.*: *I've got to go now*. Нивелирование различий между *shall* и *will* при выражении чистого будущего способствует широкому применению формы *'ll*. Этот тип компрессии одинаково распространен во всех подстилях разговорной речи, с той только разницей, что в диалекте и просторечии частично сохранились архаические формы контракции, а именно *ha'*.

Сокращенные структурные варианты перфектных форм с опущением вспомогательного *have* для литературно-разговорного стиля нехарактерны и возможны только в фамильярно-разговорном и просторечии: *"Seen any movies?" I asked. (Gr. Greene) "Been travelling all the winter — Egypt, Italy and that — chucked America! I gather."* (J. Galsworthy)

В обоих примерах опущены не только вспомогательные глаголы, но и личные местоимения. Убыстренный темп речи приводит, следовательно, к опущению семантически избыточных неударных элементов, в данных примерах это личные местоимения 2-го и 1-го лица — подлежащие предложения; присутствие обоих собеседников делает их называние излишним.

На уровне лексики компрессия проявляется в преимущественном употреблении одноморфемных слов, глаголов с постпозитивами: *give up, look out*, аббревиатур: *frig, marg, vegs*, эллипса типа *mineral waters* ® *minerals* или других видов эллипса: *Morning!*, слов широкой семантики: *thing, stuff*,

¹ Leech O. N. Principles of Pragmatics. Ldn., 1985.

в транзитивном употреблении непереходных глаголов: go it и т.д. Для синтаксической компрессии особенно характерен эллипс. Проблема компрессии на синтаксическом уровне очень интересно трактуется и К. Г. Серединой¹. К. Г. Середина отмечает, что многие исследователи, опираясь на предложенный А. Мартине закон наименьшего усилия, сводили различные типы экономии к опущению, совмещению, репрезентации: "He must have got mixed in something in Chicago." — "I guess so," said Nick. (E. Hemingway) В этом примере слово so замещает все первое высказывание. Сама К. Г. Середина предлагает еще один очень важный тип экономии — простоту. На первый взгляд предложение The mother kissed the child's tears away кажется сжатым. Однако такая конструкция с ее сложными связями принадлежит книжному стилю; она, несмотря на краткость, сложна и потому менее экономна, чем соответствующая ей в разговорном стиле: The mother kissed the child and he stopped crying.

«Более экономна, — пишет она, — а следовательно, и более употребительна в разговорном языке конструкция, которая более проста синтаксически». Под компрессией этот автор предлагает понимать синтаксическую сжатость и простоту синтаксических связей. В разных стилях, компрессия может проявляться по-разному.

Противоположная тенденция, т.е. тенденция к **избыточности**, связана в первую очередь с неподготовленностью, спонтанностью разговорной речи. К избыточным элементам следует прежде всего отнести так называемые time fillers, т. е. не имеющие семантической нагрузки «сорные слова» типа well, I mean, you see и сдваивание союзов: like as if. Элементы, избыточные для предметно-логической информации, могут быть экспрессивными или эмоциональными. В просторечии это — двойное отрицание: don't give me no riddles, don't bring no discussion of politics, плеонастическое употребление личных местоимений в повелительных предложениях: Don't you call mother names. She's had a hard life. Don't you forget it. (J. Gary), а также грубое употребление you: You, come here! или Come here, you!

Некоторые важные особенности разговорной речи порождены ее преимущественно диалогическим характером.

Синтаксическая специфика разговорной речи состоит в том, что единицей более крупной, чем предложение, в ней, как в речи диалогической, является сочетание ряда реплик, связанных структурно-семантической взаимообусловленностью. Н. Ю. Шведова предложила называть их диалогическим единством. В большинстве случаев это единства двучленные — вопросно-ответные, с подхватом, с повтором или

¹ Середина К. Г. О компрессии синтаксической структуры в разговорном английском языке. / Тезисы докладов научной конференции "Теория и практика лингвистического описания разговорной речи". Горький, 1966. С. 195.

синтаксически параллельные. Эта связь реплик является причиной распространенности односоставных предложений. Вот несколько примеров из произведений Дж. Голсуорси, которые мы заимствуем из статьи С. С. Беркнера: 1) Вопросно-ответное единство: "When do you begin?" — "To-morrow," said the Rafaelite. 2) Единство, образованное **подхватом**: "So you would naturally say." — "And mean." 3) Единство, образованное **повтором**: "There's—some—talk—of—suicide," he said. James's jaw dropped.— "Suicide? What should he do that for?" 4) Единство синтаксически параллельных реплик: "Well, Mr Desert, do you find reality in politics now?" — "Do you find reality in anything, sir?"

С. С. Беркнер считает, что как подхват, так и повтор выражают экспрессивную реакцию на слова собеседника, но между ними есть и существенная семантическая и структурная разница. Подхват развивает диалог, содержит новое сообщение, часто иронически опровергающее первое: "...Americans are generally important, sooner or later." — "To themselves," said Fleur, and saw Holly smile.

Подхват иногда прерывает собеседника и меняет направление диалога: "I feel you're a rock" — "Built on sand," answered Jolyon...

Повтор, по мнению С. С. Беркнера, ограничивается только оценкой услышанного и не передает новой мысли: "...But you're the head of the family, Jon — you ought — to settle." — "Nice head!" said Jon bitterly.

Повторы-восклицания выражают возмущение, насмешку, иронию и гораздо реже положительную реакцию. Возможен повтор-переспрос: "What do you call it?" — "Call it? The big field."

Структурное различие между подхватом и повтором более ощутимо. Подхват синтаксически продолжает первую реплику и в большинстве (85%) случаев связывается с ней соединительным словом, так что получается как бы одно предложение, распределенное между двумя собеседниками...

Специфическую и весьма важную роль играют в этом стиле **контактоустанавливающая и эмотивная функции**. Они осознаются обществом в виде принятых в коллективе норм и формул вежливости и должны изучаться в социалингвистике. Речь должна быть тактичной, не слишком уверенной, не слишком категоричной и жесткой и вместе с тем безразличной к собеседнику. Отсюда многообразие форм вежливой модальности, которая может быть выражена интонационно, лексически, морфологически и синтаксически. Рассмотрим примеры проявления этих функций в литературно-разговорном стиле на материале глагола do. Для того чтобы выразить, например, некоторую неуверенность при ответе и готовность принять возражения или соображения собеседника, глагол do может быть использован в утвердительном предложении, как в примере, зафиксированном Б. Чарльстон: "What has happened to your strange neighbour?" "I did hear he'd gone to Australia."

Тактичная заинтересованность в мнении собеседника и предмете разговора может выражаться в реплике, развивающей или иллюстрирующей услышанное и усиленной тем же *do* иногда с добавлением расчлененного вопроса:

"You can't blame anyone, it's the war."

"The war does spoil everything, doesn't it?" (Gr. Greene)

Такая вежливая реплика нередко бывает чисто механической.

В ответных репликах собеседник может употребить *do*, выражая согласие, которое может быть искренним и полным или, напротив, ироническим, как в следующем примере:

"Perhaps I'd better tell the police to call," he said. "You'd feel more comfortable, wouldn't you. Mr Jimson, if the police were in charge — less responsibility..." "Thank you," I said, "You're a good chap. For I do certainly feel a lot of responsibility." (J. Gary. *The Horse's Mouth*)

Do часто используется в репликах мягкого упрека, восхищения, раздражения, а также если говорящий хочет, чтобы собеседник проявил свое понимание, согласие, доверие.

Во всех приведенных примерах интеллектуально-логическая функция не исчезает, но выступает в сочетании с эмотивной, контактоустанавливающей и нередко, как в последнем примере, волюнтаривной. Принято считать, что в этих конструкциях *do* служит для усиления. Усиление, безусловно, имеет место, но, как мы только что видели, дело не только в этом, и сама необходимость усиления продиктована разными функциями.

Эмотивное и контактоустанавливающее *do* может быть поддержано сочетанием с такими словами, как *actually, in fact, indeed, really, undoubtedly* и т. п. и глаголом *seem*.

Сравните: Monica: I see her point, you know. You really did go a little too far. (N. Coward. *Present Laughter*)

Уберем сначала смягчающее *a little* и продолжим свертывание:

You really did go too far.

You did go too far.

You went too far.

Проведенное свертывание показывает, что, последовательно снимая *really* и *do*, мы не ослабляем эмфатичность, а, напротив, повышаем ее; высказывание становится резким и обидным.

В условиях большой роли волюнтаривной функции в сочетании с повелительным наклонением *do*, напротив, действительно становится чисто эмфатическим: "Oh go away, *do*, Mr Jimson." (J. Gary. *The Horse's Mouth*)

То же справедливо и при усилении эмотивной функции в восклицательных предложениях: ...and then suddenly I sat up and called out

as loud as I could, "I do want to go on a donkey. I do want a donkey ride!" (K. Mansfield. *Lady's Maid*)

Эмотивная функция является причиной обилия в разговорной речи разного рода усилителей, которые могут выступать в различных сочетаниях и различны для литературно-разговорного и фамильярно-разговорного стилей. Так, например, в фамильярно-разговорном стиле how, when, where, who, which, what, why сочетаются со словом ever, или суффиксом ever¹, или с такими выражениями, как: on earth, the devil, the hell и т. п. Например: Whatever are you doing? или What ever are you doing? Whoever's that? However did you get in here? What on earth are you doing? Who the devil do you think you are? Who on earth can that be? Why the hell do you ask?

Такой тип эмфазы возможен только в вопросительных или восклицательных предложениях. Эмоциональность при этом имеет грубый, невежливый характер, т. е. связана с раздражением, нетерпением, упреком.

Лишены эмоциональности и зависят от контактоустанавливающей функции такие усилители, как after all, actually, really, not really, certainly, surely и т. п. Сравните: I certainly admire your courage и I admire your courage. Включая слово certainly, говорящий заверяет собеседника в своей искренности и понимании его точки зрения.

В фамильярно-разговорном стиле с его эмоциональностью и эмфатичностью сочетаются и многие бранные слова или их эвфемизмы: damn, dash, beastly, confounded, lousy. Они возможны в предложениях любого типа, факультативны по своим синтаксическим связям, синтаксически многофункциональны и могут выражать как отрицательные, так и положительные эмоции и оценки: damned pretty, damned nice, beastly mean, damn decent.

Вариантом фамильярного разговорного стиля является так называемый детский язык (baby-talk) с его специфической лексикой, наиболее заметными особенностями которой является обилие звукоподражательных слов: bow-wow (a dog) и слов с уменьшительными суффиксами: Mummy, Daddy, Granny, pussy, dearie, lovey, doggy, naughty, pinny, panties и др.

Характерной особенностью является замена личных местоимений полнозначными словами. Обращаясь к ребенку, вместо you говорят baby, Johnny и т. д., вместо I говорящий называет себя Mummy, nurse и т. д. Местоимение первого лица множественного числа we относится к слушателю: Now we must be good and drink our milk.

В художественной литературе элементы baby-talk, употребляемые взрослыми, обычно дают представление об аффектированности или сентиментальности, неискренности говорящего. В романе Г. Грина «Суть

¹ В группе книжных стилей whatsoever. В то время как ever so и ever such характерны для речи необразованных людей.

дела» Фредди Бегстер подходит к хижине миссис Рольт Ниссен — "Let Freddie in," the voice wheedled.

В детской литературе для младшего возраста из педагогических соображений используется главным образом нейтральный или литературно-разговорный стиль.

В приведенном ниже отрывке из *Winnie-the-Pooh* только слово *Bother!* относится к фамильярно-разговорному стилю.

"Is anybody at home?"

There was a sudden scuffling noise from inside the hole and then silence.

"What I said was 'Is anybody at home?'" called out Pooh very loudly.

"No," said a voice; and then added, "You needn't shout so loud. I heard you quite well the first time."

"Bother!" said Pooh. "Isn't there anybody here at all?"

"Nobody."

Winnie-the-Pooh ... thought for a little and he thought to himself.

"There must be somebody there, because somebody must have said 'Nobody!'"

So he.... said

"Hallo, Rabbit, isn't that you?"

"No," said Rabbit, in a different sort of voice this time.

"But isn't that Rabbit's voice?"

"I don't think so," said Rabbit. "It isn't meant to be."

"Oh!" said Pooh. (A. A. Milne)

Ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер имеет особый, генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, называемый **сленгом**, бытующий в разговорной речи и находящийся вне пределов литературной нормы. Важнейшими свойствами сленгизмов являются их грубовато-циничная или грубая экспрессивность, пренебрежительная и шутливая образность. Сленг не выделяется как особый стиль или подстиль, поскольку его особенности ограничиваются одним только уровнем — лексическим. О сленге существует обширная литература. Трудным вопросом остается вопрос о критериях отнесения слов к сленгу, поскольку границы сленга, как общего, так и специального, т.е. ограниченного профессиональной или социальной сферой употребления, весьма расплывчаты. Слова и выражения сленга имеют, как правило, синонимы в нейтральной литературной или специальной лексике, и специфичность их можно выявлять по сопоставлению с этой нейтральной лексикой.

В многочисленных современных романах из жизни подростков сленг тинейджеров играет важную стилистическую роль. Уже давно замечено, что сленгу особенно свойственно явление **синонимической аттракции**, т. е. большие пучки синонимов для понятий, почему-либо

вызывающих сильную эмоциональную реакцию (девушка, деньги, опьянение, алкоголь, наркотики, воровство имеют особенно большие группы сленговых синонимов). В романе К. Мак Иннеса, где рассказчиком является подросток и где проблемы поколений и неконформизма стоят особенно остро, очень много синонимов для обозначения представителей старшего и молодого поколения: the oldies, the oldsters, the oldos, old hens, old numbers, old geezers и, с другой стороны: kid, kiddo, sperm, chick, chicklet (девочка), minors, beginners, debs.

Люди, покорно принимающие существующий порядок вещей, называются рассказчиком mugs, squares, tax-payers.

To have a job like mine means that I don't belong to the great community of the mugs: the vast majority of squares who are exploited. It seems to me this being a mug or a non-mug is a thing that splits humanity up into two sections absolutely. It's nothing to do with age or sex or class or colour — either you're born a mug or a non-mug... (Mac Innes)

Стилистическая структура разговорной речи, таким образом, неоднородна. Сюда входят разные социально обусловленные подстили, которые в ней взаимодействуют. Членение разговорной речи на диалекты зависит от географического фактора. Наиболее известным диалектом городского просторечия является лондонский кокни.

7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОКРАСКИ СЛОВА С КОНТЕКСТОМ

В предшествующих параграфах функциональные стили рассматривались в плане лингвостилистики. Цель описания состояла в том, чтобы получить представление о норме языка, т. е. некоторую абстракцию. Практически на уровне наблюдения читатель имеет дело с текстом или, другими словами, с речевым произведением, индивидуальной речью. Речевое художественное произведение есть единство взаимосвязанных элементов, каждый из которых находится в сложных взаимоотношениях с остальными. А все вместе эти остальные элементы составляют его контекст.

Следует различать семантическое и стилистическое функционирование контекста. В семантико-лингвистическом плане при декодировании целесообразно пользоваться определением контекста, предложенным Н. Н. Амосовой, и рассматривать контекст как «соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом»¹. Такое понимание контекста базируется на понимании слова в языке как системы «социально закрепленных семантических потенциалов»², которые актуализируются в речи благодаря контекстуальным или ситуационным

¹ См: Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963. С. 28.

² Там же. С 27.

указаниям. Контекст, следовательно, показывает, который или которые из традиционно существующих лексико-семантических вариантов слова имеются в виду в данном конкретном случае.

Широкое распространение в советской лингвистике получило также определение контекста, данное Г. В. Колшанским. Этот автор определяет контекст как совокупность «формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы»¹. В практике лингвистического анализа удобнее исходить из работ Н. Н. Амосовой, поскольку в них теория контекста разработана более глубоко и полно.

Для стилистики, однако, оба эти определения оказываются недостаточными, потому что коннотационная часть лексических значений, которая играет для стилиста такую большую роль, может быть не только узуальной, т. е. обычной, но и окказиональной и зависит от гораздо большего числа факторов, чем предметно-логическая. В частности, она сильно зависит от макроконтекста, т.е. указателей, находящихся за пределами прослеживаемых синтаксических связей. Например, в романе С. Барстоу из жизни рабочих-подростков «Такая любовь» рассказчик называет всех девушек -bint, bird, chick, baby, tart и другими словами сленга, а нейтральное слово girl употребляет только говоря о своей сестре. По контрасту это слово оказывается и эмоциональным и оценочным и выражает его любовь и уважение к ней. В романе К. Мак Иннеса «Начинающие» архаичное brethren применительно к представителям старшего поколения на фоне общего фамильярно-разговорного стиля и обилия сленгизмов звучит издевкой даже в предложении со стилистически нейтральной лексикой: I've had to explain this so often to elder brethren that it's now almost a routine. (K. Mac Innes. *Absolute Beginners*) Более часто, однако, экспрессивный эффект получается в результате неожиданности появления иностилевого слова в нейтральном по окраске тексте: ...said my bro in his whining complaining platform voice. (K. Mac Innes. *Absolute Beginners*)

Таким образом, слова из разных стилистических пластов в зависимости от контекста могут давать аналогичный эффект, и, наоборот, слова одного и того же функционального стиля могут иметь разную стилистическую функцию. Слова или лексико-семантические варианты многозначных слов получают функционально-стилистическую окраску и другие коннотации в тех условиях общения, для которых они характерны, в которых они обычно употребляются, и в соответствии с особыми функциями языка в этой сфере. Однако наиболее сильно эта стилистическая окраска осознается и может выполнять специальные стилистические функции только вне этой привычной речевой сферы и

³ Колшанский Г. В. О природе контекста // Вопросы языкознания. 1959. №4. С. 46.

только вне этой сферы может быть использована для выдвижения того или иного момента содержания на фоне другой лексики.

Стилистический контекст, следовательно, есть понятие специфичное, нетождественное речевому контексту. Он не только указывает, который из уже существующих в языке вариантов слова имеется в виду, но и сообщает ему новые окказиональные коннотации.

Стилистический контекст — это фон, на котором, преимущественно по контрасту, но иногда и по сходству, возникает экспрессивность стилистического приема. Особенно характерны в этом отношении разные контексты выдвижения. Подобно тому как в семантическом контекстуальном анализе семантически реализуемое слово составляет контекст в единстве с индикатором, так и в стилистическом анализе стилистический прием составляет стилистический контекст в единстве с тем окружением или текстовым фоном, которые придают ему релевантность, и которые, благодаря своей упорядоченности в каком-либо отношении, создают «усиленное ожидание», делая появление именно данного приема неожиданным или, напротив, делая его заметным путем конвергенции приемов.

Вероятность появления каждого последующего элемента в речевой цепи зависит от предыдущих. Появление на этом фоне неожиданного элемента привлекает внимание читателя и усиливает воздействие текста. Зависимость последующих элементов от предыдущих не следует, однако, понимать слишком буквально: за речевую цепь иногда приходится принимать не только данный текст, но и ранее воспринятые тексты, все содержание тезауруса читателя. Прежний речевой опыт позволяет осмыслить контекст и заставляет читателя угадывать, что последует дальше. Вопрос о границах контекста в стилистике чрезвычайно сложен. Вводятся понятия микроконтекста и макроконтекста; ограничивать микроконтекст пределами прямых синтаксических связей, как это делается в лингвистическом контекстологическом анализе, не представляется возможным, поскольку сам стилистический прием может выходить за рамки предложения, поэтому целесообразно ограничивать стилистический микроконтекст границами единой стилистической функции. Макроконтекстом мы будем называть индикацию, получаемую за этими пределами, т.е. максимум индикации¹.

Семасиологи различают также экстралингвистический контекст, или контекст ситуации. Под **контекстом ситуации** понимают условия, в которых осуществляется данный акт речи и которые влияют на содержание и построение речи, выбор слов и грамматических конструкций. В художественном тексте контекст ситуации воспроизводится

¹ Вполне возможно, что это не наилучшее решение вопроса, и можно надеяться, что, когда проблема эта будет лучше изучена, будут найдены и более рациональные границы. См. Riffaterre M. Stylistic Context // Word. V.16. №2. August, 1960.

лингвистическими средствами, но его все же не следует смешивать с непосредственным речевым микро- и макроконтекстом. Его, вероятно, целесообразно рассматривать как подвид макроконтекста. Указания ситуативного контекста могут находиться на значительном удалении от рассматриваемого отрезка, например, в заглавии главы или романа или в другом произведении, на которое делается аллюзия.

Для стилистики декодирования проблема контекста имеет свое особое и весьма важное значение. Оно зависит от особенностей стилистической функции и структурности текста. Поскольку специфическими средствами стилистической функции являются иррадиация, избыточность и неэксплицитность, никакие стилистические средства вне контекста не работают. Текст не есть простая линейная соположенность слов. Это структура с внутренней организацией, элементы которой значимы не только сами по себе, но, прежде всего, в своих отношениях с другими элементами и со всем текстом. Мы уже не раз отмечали, что информативность элемента художественного текста зависит от его предсказуемости на фоне контекста, поскольку вероятность каждого последующего элемента существенно зависит от предшествующих.

Главными типами отношений между элементами в контексте являются отношения контраста и эквивалентности или тождества. Элементы могут быть соположенными и синтаксически связанными, но не сходными или повторяющимися и в чем-то эквивалентными, причем сходные элементы могут быть расположены как контактно, так и дистантно. Оба типа отношений ведут к появлению новых дополнительных смыслов и коннотаций.

Большое значение для рассмотрения стилистического контекста имеют уже рассмотренные выше явления конвергенции и сцепления, практически реализующие эти отношения тождества и контраста.

8. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

После общих замечаний о контексте лингвистическом и стилистическом обратимся к рассмотрению взаимодействия контекста с лексикой, имеющей функционально-стилистическую окраску. В основе возникающих при этом дополнительных значений лежит, прежде всего, свойство **иррадиации** стилистической функции. Так, например, одно поэтическое слово, включенное в нейтральный контекст, может сделать возвышенным целый абзац. Роль даже небольших стилистически окрашенных вкраплений может быть очень значительна. Эффект их зависит от того, соответствуют ли они предмету повествования или контрастируют с темой. При нарушении ожидаемого соответствия между означаемым и

означающим нередко возникает комический или иронический эффект, как в следующем примере из романа О. Хаксли, где книжная лексика сочетается с тривиальной ситуацией: *The village Maecenas, in petticoats, patronising art to the extent of two cups of tea and a slice of plum-cake*. Явление можно рассматривать как разновидность обманутого ожидания. Особенно часто такие эффекты получаются при использовании разговорной и торжественно-возвышенной лексики. В целом, однако, иноstileвые вкрапления отличаются большим разнообразием материала и функций. Они могут происходить из любых функционально-стилистических пластов. Они встречаются в описаниях, увеличивая их точность и конкретность или создавая метафоричность и образность, в речевых характеристиках и портретах персонажей, в авторских комментариях и т. д. В данном параграфе ограничимся примерами, иллюстрирующими только взаимодействие с контекстом терминологической, просторечной и диалектной лексики.

Специальная лексика может включаться в речевую характеристику героя, раскрывая его жизненный опыт, профессию и интересы. Таково, например, использование морской лексики Мартином Иденом. Писатели-реалисты пользуются специальной лексикой для более точного описания окружающей героев действительности. Функция такой лексики может быть и весьма специфична: в первой главе «Холодного дома» Ч. Дикенса нагромождение юридических терминов показывает невозможность для нормального человеческого рассудка разобраться в запутанном лабиринте судопроизводства в Верховном канцлерском суде.

В качестве иллюстрации использования научного стиля в речевой характеристике героев литературного произведения приведем отрывок из романа Ч. Сноу «Новые люди», где научные термины и книжные слова в прямой речи персонажей не только показывают их принадлежность к технической интеллигенции, но и помогают читателю обратить внимание на их сдержанность и мужество, когда они говорят о той опасности, которой подвергают свою жизнь в экспериментальной работе по ядерной физике в их лаборатории.

Luke said; "I'll get that stuff out in six weeks from March 1st if it's the last thing I do."

Martin said: "It may be."

"What is the matter?" I said.

Luke and Martin looked at each other.

"There are some hazards," said Luke.

That was the term they used for physical danger. Luke went on being frank. The "hazards might be formidable. No one knew much about handling plutonium; it might well have obscure toxic properties. There would not be time to test each step for safety, they might expose themselves to illness, or worse."

Выражение «токсические свойства» — специальный термин, который является некоторым эвфемизмом для той опасности, которой ученый сознательно идет навстречу. В дальнейшем Люк действительно подвергается облучению, получает лучевую болезнь и иронизирует по этому поводу: *There was a mutter from Luke's sick-bed which spread round Barford: "The only thing they (the doctors) still don't know is whether to label mine a lethal dose or only near lethal."*

Медицинский термин «летальная доза» (смертельная доза) употреблен в той же стилистической функции, что и «токсические свойства», и, кроме того, усиливает горько-ироническое звучание фразы.

В другом отрывке из этого же романа некоторое нагромождение специальных терминов служит для точного реалистического описания лаборатории с одним из первых атомных реакторов:

In front of her were the instruments which she had been taught to read; she was a competent girl, I thought, she would have made an admirable nurse. There was one of the counters whose ticking I would expect in any Barford laboratory; there was a logarithmic amplifier, a DC amplifier, with faces like speedometers, which would give a measure — she had picked up some of the jargon — of the "neutron flux".

On the bench was pinned a sheet of graph paper and it was there that she was to plot the course of the experiment. As the heavy water was poured in, the neutron flux would rise: the points on the graph would lead down to a spot where the pile had started to run, where the chain reaction had begun: "That's going to be the great moment," said Mary.

Искусство писателя заставляет даже несведущего в технике читателя представить себе обстановку, в которой работает Мэри. В данном отрывке все термины употреблены в своем прямом значении. Но возможно и другое, а именно образное употребление специальных терминов. В упомянутом выше романе Дж. Лондона «Мартин Иден» автор, описывая тесноту комнатухи, в которой живет вернувшийся из плавания Мартин, пользуется морской терминологией и уподобляет движения Мартина между дверью, столом и кроватью трудной навигации по узкому каналу:

Even so he was crowded until navigating the room was a difficult task. He could not open the door without first closing the closet door, and vice versa. It was impossible for him anywhere to traverse the room in a straight line. To go from the door to the head of the bed was a zigzag course that he was never quite able to traverse without collisions. Having settled the difficulty of the conflicting doors, he had to steer sharply to the right to avoid the kitchen. Next he sheered to the left, to escape the foot of the bed; but this sheer, if too generous, brought him against the corner of the table. With a sudden twitch and lurch, he terminated the sheer and bore off to the right along a

sort of canal — one bank of which was the bed, the other the table. When the one chair in the room was at its usual place before the table, the canal was unnavigable.

Морские термины: navigating, traverse, zigzag course, collisions, steer, sheer, lurch, bear off, canal, bank, unnavigable — передают шутиливо-ироническое отношение бывшего матроса к своему убогому жилью.

Технические термины в описанном в этой главе смысле надо отличать от **профессиональной лексики**, под которой понимается лексика, специфичная для какой-нибудь отрасли человеческой деятельности или профессии, но употребительная только в устном общении и, следовательно, не имеющая определений в специальной литературе. Профессиональная лексика в собственном смысле слова относится главным образом к прошлому, когда многие ремесла и сельскохозяйственные знания и умения передавались в устной традиции. В настоящее время профессиональная лексика нередко имеет несколько арготический характер, как в следующем примере из того же романа Ч.Сноу:

What is stopping them (the neutrons)?...

"The engineering is all right.

"The heavy water is all right.

"The uranium is all right.

"No, it blasted well can't be.

"That must be it. It must be the uranium — there's something left there stopping the neutrs."

Ч. Сноу описывает состояние героя после неудачного опыта. Люку не удалось вызвать цепную реакцию, и он спрашивает себя и окружающих, что помешало нейтронам, называя их то местоимением «они», поскольку всем присутствующим ясно, что именно его волнует, то арготическим профессиональным сокращением **"neutrs"**.

Особенно высок удельный вес специальной лексики в произведениях, тема, сюжет и фабула которых непосредственно связаны с профессиональной деятельностью какой-нибудь группы людей, как в романах А. Хейли «Аэропорт», «Колеса» и других. Все, случившееся в рассказе Б. Ноутона «Поздно ночью на Уотлинг-стрит», связано с работой водителей грузовых машин, хотя поднятые этические проблемы и представляют общечеловеческий интерес. Тема рассказа — профессиональная солидарность, отношения людей, каждый из которых работает в одиночку и вместе с тем тесно связан со всеми теми, кто водит машины по тем же дорогам, настолько тесно, что даже сама жизнь его зависит от них.

Джексон влюблен в Этель, жену хозяина кафе, и торопится к ней. За

превышение скорости, несоблюдение правил безопасности движения и попытку подкупить поймавшего его автоинспектора (speed cop), которого шоферы прозвали Babyface, ему грозит суд и лишение шоферских прав по крайней мере на полгода. Собравшиеся в кафе шоферы, невзирая на вызывающее поведение Джексона (он чуть не затевает драку), узнав о его неприятностях с автоинспекцией, сочувствуют ему, считая, что, если шофер будет соблюдать все правила, он много не заработает. Суд должен состояться через три недели. Для того чтобы дело было прекращено из-за отсутствия свидетелей, Джексон решает избавиться от инспектора Babyface и идет на преступление. Он создает инспектору технически простую ловушку: когда инспектор в темноте ночью снова преследует его, потому что Джексон опять развивает недозволенную скорость, Джексон внезапно тормозит, полицейская машина на большой скорости врежется в грузовик, инспектор и его товарищ гибнут.

Считая, что останется безнаказанным, так как улики против него нет, Джексон сразу же после катастрофы хладнокровно рассказывает товарищу, как он подстроил аварию, и заканчивает свой рассказ словами: "You'll give me the lift down the road. Lofly?... I know I am safe with an old driver..." Водители других машин понимают, что катастрофа не случайна; они не выдают Джексона полиции, но наказывают его презрением: он навсегда теряет Этель и товарищей.

Изложить сюжет этого рассказа было необходимо, чтобы показать, что описанные события не могли бы произойти с людьми другой профессии. Здесь существенна каждая техническая деталь. Подобная связь фабулы с определенной отраслью техники ведет к обилию специальной лексики. Здесь много слов, называющих грузовик и его части: lorry, engine, cab (кабина шофера), the driving mirror, the booster gear, the lights, the foot board, the back axle, the headlights, the chassis.

При описании действий водителей и событий на дорогах в прямой речи используются многочисленные профессионализмы: to go at a fair lick, to go at a fair crack, to be cracking along, to swing on the handbrake, to have one's toe down, to pull up with a jerk, to have the stick out, to hang on somebody's tail, to be done for speeding. Катастрофа называется a smash-up. Встречаются и арготические профессионализмы. Персонажи называют свою машину не lorry, a tub (лоханка) или old wagon. Тормоза называются anchors.

Обилие специальной лексики не только способствует реалистичности описания, но и помогает читателю самому догадываться о замысле Джексона, как бы самому участвовать в происходящем.

9. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТОРЕЧИЯ И ДИАЛЕКТА

Использование отдельных особенностей функциональных стилей в художественной литературе может выполнять очень важные смысловые функции, т. е. передавать существенную информацию. В качестве примера обратимся к отрывку из пьесы А. Миллера «После грехопадения» (*After the Fall*). Пьеса эта — довольно интимная исповедь автора, касающаяся его жены, известной кинозвезды Мерилин Монро. Монро покончила жизнь самоубийством; предполагают, что это произошло не из-за психического заболевания, как сообщалось в газетах, а потому, что она страдала от несоответствия ее устремлений тем ролям, которые ей навязывали в Голливуде. Монро мечтала быть трагической актрисой, а из нее сделали секс-бомбу. Мерилин в пьесе зовут Мэгги, и вот что она говорит герою пьесы Квентину, когда они вновь встречаются: "I can't hardly believe you came! Can you stay five minutes? I'm a singer now, see? In fact I am in the top three. And for a long time I been wanting to tell you that..." В литературном языке *hardly* не употребляется с глаголом в отрицательной форме, а Present Perfect Continuous содержит глагол *have*, таким образом, *I can't hardly believe* и *I been wanting to tell you* — просторечие. Для того чтобы понять эффект введения просторечия, необходимо сопоставить эти строки с тем, как говорят другие персонажи пьесы. Тогда оказывается, что сам герой и близкие ему люди говорят вполне литературно. Учитывая, что тема всей пьесы — исповедь героя, попытка объяснить себе самому мотивы своих поступков, логично обратить внимание на эти слова, подчеркивающие интеллектуальную пропасть между певичкой (*popsinger*) и представителем высших слоев интеллигенции, т. е. в реальной жизни — знаменитым драматургом.

Поскольку норма указывает традиционные, устоявшиеся, но необязательно правильные формы, **диалект**, который в реальной речи обязательно сочетается с просторечием, есть тоже норма, но норма внелитературная. В пьесе А. Уэскера «Корни» героиня пьесы Бити приезжает из Лондона в родную деревню в Норфолк, и драматург тщательно передает местный диалект. Бити разговаривает со своими родственниками — сельскохозяйственным рабочим Джимми и его женой Дженни:

Jenny:... Did Jimmy tell you he've **bin** chosen for the Territorials' Jubilee in London this year?

Beatie: What's this then? What'll you do there?

Jimmy: Demonstrate and parade **wi'** arms and such like.

Beatie: Won't do you any good.

Jimmy: Don't you reckon? **Gotta show** we can defend the country, you know. Demonstrate arms and you prevent war.

Beatie: Won't demonstrate anything **bor**... Have a hydrogen bomb fall on you and you'll find the things silly in your hands.

Jimmy: So you say **gal**? So you say? That'll frighten **them other buggers** though.

Beatie: Frighten yourself y'mean...

Jimmy: And what do you know about this all of a sudden?

Beatie: You're not interested in defending your country, Jimmy, you just enjoy playing soldiers.

Jimmy: What aid I do in the last war then — sing in the trenches?

Beatie (explaining — not trying to get one over on him): Ever heard of Chabeer, Jimmy?

Jimmy: No.

Beatie: Do you know the MP for this constituency?

Jimmy: What you **drivin' at, gal** — don't give me no riddles.

Beatie: Do you know how the British Trade Union Movement started? And do you believe in strike action?

Jimmy: No to both those.

Beatie: What you **goin'** to war to defend then?

Jimmy (he's annoyed now): Beatie—you **bin** away from us a long time now—you got a boy who's educated **an'** that and he's taught you a lot maybe. But don't you come **pushin'** ideas across at us — we're all right as we are. You can come when you like **an'** welcome but don't bring no discussion of politics in the house **wi'** you **'cos** that'll only cause trouble. I'm telling you. (*He goes off.*)

Jenny: **Blust gal**, if you **hevnt't** touched him on a sore spot. **He live** for them Territorials **he do** — that's half his life.

Итак, обычно разговорный стиль воплощается в устной диалогической речи бытового типа, но возможны и другие сочетания, и любые темы. В данном случае он воплощен в драматургии, и диалог ведется не на бытовую, а на политическую тему.

В своем предисловии А. Уэскер пишет, что считает важным в пьесе о людях Норфолка показать, как они говорят, и даже перечисляет и поясняет некоторые, преимущественно фонетические особенности. В приведенном отрывке воспроизводятся некоторые фонетические, лексические и грамматические черты норфолкской речи. Они сильнее выражены в репликах Джимми. Сопоставляя их с литературной нормой, мы замечаем, что [i:] заменяется [i], так что форма been звучит [bin], что и отражается в написании: bin. Гласный в have и had сужается, отсюда — написание hev. Конечные [ð] и [d] не произносятся: wi', an'; конечное [ŋ] заменяется [n]: drivin'.

В перфектных и длительных формах отсутствует вспомогательный глагол: what you drivin' at?, you bin away. Употребляется двойное отрицание:

don't give me no riddles, don't bring no discussion. Характерно указательное them: he live for them Territorials, you'll find them things silly.

Эти и другие расхождения с литературной нормой лингвист не может рассматривать как неправильности. Эти формы в пределах данной языковой общности всем понятны и общеупотребительны. Следовательно, don't give me no riddles — тоже норма, но норма диалектная. Нарушением нормы было бы какое-нибудь никому не понятное riddles me don't give, которое получится, если буквально перевести русское «загадок мне не загадывайте».

Задания для самостоятельной работы

1. Подготовьте реферат по одной из предложенных тем
Темы рефератов:

Стиль художественной литературы и его основные разновидности
[2, 3, 11, 12]

Стилистические особенности языка драмы [8, 9, 10, 11]

Разновидности газетного стиля и их стилистические особенности
[1, 5, 7, 9]

Использование черт и элементов различных стилей в художественной литературе [1, 8, 11, 12]

Просторечие как стилистическая категория [1, 6, 9]

Принципы выделения функциональных стилей. Понятие функционального стиля как подсистемы языка [1, 3, 4, 9]

Тема реферата: « _____ », _____

План реферата:

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____
- 4) _____
- 5) _____

Основные положения (тезисы) по теме реферата:

[illegible]

[illegible][illegible]

[illegible][illegible]

6. Охарактеризуйте стиль научной прозы с точки зрения лингвистических и экстралингвистических особенностей. Проанализируйте текст, приведенный в Приложении 2, докажите, что он представляет собой образец научной прозы. Определите способ связи частей текста между собой. Благодаря чему создается впечатление последовательности, логичности и убедительности изложения?

[illegible]

7. Обсудите проблему сочетания и взаимопроникновения стилей в разговорном стиле. Проанализируйте письмо, приведенное в Приложении 3. Какие черты разговорного стиля выявляются в этом тексте? Что вы можете сказать об авторе письма и его отношениях с адресатом?

[illegible]

THE STYLE OF OFFICIAL DOCUMENTS¹

There is one more style of language within the field of standard literary English which has become singled out, and that is the **style of official documents**, or "officialese", as it is sometimes called. As has already been pointed out, this FS is not homogeneous and is represented by the following substyles or variants:

- 1) the language of business documents,
- 2) the language of legal documents,
- 3) that of diplomacy,
- 4) that of military documents.

Like other styles of language, this style has a definite communicative aim and, accordingly, has its own system of interrelated language and stylistic means. The main aim of this type of communication is to state the conditions binding two parties in an undertaking. These parties may be: the state and the citizen, or citizen and citizen; a society and its members (statute or ordinance); two or more enterprises or bodies (business correspondence or contracts); two or more governments (pacts, treaties); a person in authority and a subordinate (orders, regulations, instructions, authoritative directives); a board or presidium and an assembly or general meeting (procedures acts, minutes), etc.

The aim of communication in this style of language is to reach agreement between two contracting parties. Even protest against violations of statutes, contracts, regulations, etc., can also be regarded as a form by which normal cooperation is sought on the basis of previously attained concordance.

This most general function of the style of official documents predetermines the peculiarities of the style. The most striking, though not the most essential feature, is a special system of clichés, terms and set expressions by which each substyle can easily be recognized, for example: *I beg to inform you, I beg to move, I second the motion, provisional agenda, the above-mentioned, hereinafternamed, on behalf of, private advisory, Dear Sir, We remain, your obedient servants.*

In fact, each of the subdivisions of this style has its own peculiar terms, phrases and expressions which differ from the corresponding terms, phrases and expressions of other variants of this style. Thus in finance we find terms like *extra revenue, taxable capacities, liability to profit tax*. Terms and phrases like *high contracting parties, to ratify an agreement, memorandum, pact. Chargé d'affaires, protectorate, extra-territorial status, plenipotentiary* will immediately

¹ Galperin I. R. Stylistics. M., 1977.

brand the utterance as diplomatic. In legal language, examples are: *to deal with a case; summary procedure; a body of judges; as laid down in*.

Likewise, other varieties of official language have their special nomenclature, which is conspicuous in the text and therefore easily discernible as belonging to the official language style.

Besides the special nomenclature characteristic of each variety of the style, there is a feature common to all these varieties — the use of abbreviations, conventional symbols and contractions, for example:

M. P. (**M**ember of **P**arliament), Gvt (**g**overnment), H.M.S. (**H**is **M**ajesty's **S**teamship), \$ (dollar), £ (pound), Ltd (**L**imited).

There are so many of them that there are special addendas in dictionaries to decode them.

This characteristic feature was used by Dickens in his "Posthumous Papers of the Pickwick Club;" for instance:

P.V.P., M.P.C, (**P**erpetual **V**ice-**P**resident, **M**ember **P**ickwick **C**lub); G.C.M.P.C. (**G**eneral **C**hairman, **M**ember **P**ickwick **C**lub).

Abbreviations are particularly abundant in military documents. Here they are used not only as conventional symbols but as signs of the military code, which is supposed to be known only to the initiated. Examples are:

D.A.O. (**D**ivisional **a**mmunition officer); *adv.* (advance); *atk* (attack); *obj.* (object); A/T (anti-tank); ATAS (**A**ir **T**ransport **A**uxiliary **S**ervice).

Another feature of the style is the use of words in their logical dictionary meaning. Just as in the other matter-of-fact styles, and in contrast intrinsically to the belles-lettres style, there is no room for contextual meanings or for any kind of simultaneous realization of two meanings. In military documents sometimes metaphorical names are given to mountains, rivers, hills or villages, but these metaphors are perceived as code signs and have no aesthetic value, as in:

"2.102 d. Inf. Div. continues atk 26 Feb. 45 to captive objs *Spruce Peach* and *Cherry* and prepares to take over objs *Plum* and *Apple* after capture by CCB, 5th armd Div."

Words with emotive meaning are not to be found in the style of official documents either. Even in the style of scientific prose some words may be found which reveal the attitude of the writer, his individual evaluation of the facts and events of the issue. But no such words are to be found in official style, except those which are used in business letters as conventional phrases of greeting or close, as *Dear Sir, yours faithfully*.

As in all other functional styles, the distinctive properties appear as a system. We cannot single out a style by its vocabulary only, recognizable though it always is. The syntactical pattern of the style is as significant as the vocabulary, though not-

perhaps so immediately apparent.

Perhaps the most noticeable of all syntactical features are the compositional patterns of the variants of this style. Thus, business letters have a definite compositional pattern, namely, the heading giving the address of the writer, the date, the name of the addressee and his address.

Here is a sample of a business letter:

Mr. John Smith 29 Cranbourn Street London	Smith and Sons 25 Main Street Manchester 9th February, 1967
Dear Sir,	
We beg to inform you that by order and for account of Mr. Julian of Leeds, we have taken the liberty of drawing upon you for J 25 at three months' date to the order of Mr. Sharp. We gladly take this opportunity of placing our services at your disposal, and shall be pleased if you frequently make use of them.	
Respectfully yours, Smith and Sons <i>by Jane Crawford</i>	

There is every reason to believe that many of the emotional words and phrases in present-day commercial correspondence which are not merely conventional symbols of polite address, did retain their emotive meaning at earlier stages in the development of this variety of official language. Here is an interesting sample of a business letter dated June 5, 1655.

Mr. G. Dury to Secretary Tharloe, Right honorable,	The Commissary of Sweden, Mr. Bormel, doth most humbly intreat your honour to be pleased to procure him his audience from his highnesse as soon as conveniently it may be. He desires, that the same be without much ceremony, and by way of private audience. I humbly subscribe myself Your Honour's most humble and obedient servant, <i>G. Dury.</i> June 5, 1655.
---	---

Such words and word-combinations as 'most humbly,' 'intreat' (entreat), 'I humbly subscribe', 'most humble and obedient servant' and the like are too insistently repeated not to produce the desired impression of humbleness so necessary for one who asks for a favour.

Almost every official document has its own compositional design. Pacts and statutes, orders and minutes, notes and memoranda — all have more or less definite forms, and it will not be an exaggeration to state that the form of the document is itself informative, inasmuch as it tells something about the matter dealt with (a letter, an agreement, an order, etc).

In this respect we shall quote the Preamble of the Charter of the United Nations which clearly illustrates the most peculiar form of the arrangement of an official document of agreement.

CHARTER OF THE UNITED NATIONS¹

"We the Peoples of the United Nations Determined

TO SAVE succeeding generations from the scourge of war, which twice in our lifetime has brought untold sorrow to mankind, and

TO REAFFIRM faith in fundamental rights, in the dignity and worth of the human

person, in the equal rights of men and women and of nations large and small, and

TO ESTABLISH conditions under which justice and respect for the obligations

arising from treaties and other sources of international law can be maintained,

and

TO PROMOTE social progress and better standards of life in larger freedom,

And For These Ends

TO PRACTICE tolerance and live together in peace with one another as good

neighbours, and

TO UNITE our strength to maintain international peace and security, and

TO ENSURE, by the acceptance of principles and the institution of methods, that armed force shall not be used, save in the common interest, and

TO EMPLOY international machinery for the promotion of the economic and

social advancement of all peoples,

Have Resolved to Combine Our Efforts to Accomplish These Aims.

Accordingly, *our respective Governments*, through representatives

¹ The Random House Dictionary of the English Language. N.Y., 1967. P.1941.

assembled

in the City of San Francisco, who have exhibited their full powers found to be in

good and due form, *have agreed* to the present Charter of the United Nations

and *do hereby establish* an international organization to be known as the *United Nations*."

All the reasons which led to the decision of setting up an international organization are expressed in one sentence with parallel infinitive object clauses. Each infinitive object clause is framed as a separate paragraph thus enabling the reader to attach equal importance to each of the items mentioned. The separate sentences shaped as clauses are naturally divided not by full stops but either by commas or by semicolons.

It is also an established custom to divide separate utterances by numbers, maintaining, however, the principle of dependence of all the statements on the main part of the utterance. Thus, in chapter I of the U. N. Charter the purposes and principles of the charter are given in a number of predicatives, all expressed in infinitive constructions and numbered:

"CHAPTER I

PURPOSES AND PRINCIPLES

The Purposes of the United Nations are:

1. TO MAINTAIN international peace and security, and to that end: to take effective collective measures for the prevention and removal of threats to the peace, and for the suppression of acts of aggression or other breaches of the peace, and to bring about by peaceful means, and in conformity with the principles of justice and international law, adjustment or settlement of international disputes or situations which might lead to a breach of the peace.

2. TO DEVELOP friendly relations among nations based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples, and to take other appropriate measures to strengthen universal peace.

3. TO ACHIEVE international cooperation on solving international problems of an economic, social, cultural, or humanitarian character and in promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion; and

4. TO BE A CENTRE for harmonizing the actions of nations in the attainment of these common ends."

Here is another sample of an official document maintaining the same principles:

Technical Assistance Committee
Expanded Programme of Technical Assistance
Review of the Programme for 1956
Australia and Egypt: revised draft resolution.

The Technical Assistance Committee,

RECALLING THAT according to Economic and Social Council resolution 542 (XVIII) the preparation and review of the Expanded Programme and all other necessary steps should be carried out in a way that TAC ought to be in a position to approve the over-all programme and authorize allocation to participating organizations by 30 November at the latest,

CONSIDERING THAT a realistic programme such as the Expanded Programme cannot be planned and formulated without prior knowledge of the financial resources available for its implementation,

CONSIDERING THAT TAC, with the assistance of such *ad hoc* subcommittees as it may find necessary to establish, will normally need about one week to carry out the task referred to in the resolution mentioned above, bearing in mind the necessary consultations with the representatives of the participating organizations,

1. ASKS the Secretary-General to seek to arrange each year that the Pledging Conference should be convened as early as possible taking due account of all factors involved;

2. DECIDES that the Secretary-General should in future work on the assumption that in carrying out the functions of approving the programme and authorizing allocations as required by Economic and Social Council resolution 542 (XVIII), the TAC will usually need to meet for one week;

3. REQUESTS further the Secretary-General to transmit this resolution to all States Members and non-members of the United Nations which participate in the Expanded Programme."

In no other style of language will such an arrangement of utterance be found. In fact, the whole document is one sentence from the point of view of its formal syntactical structure. The subject of the sentence 'The Technical Assistance Committee' is followed by a number of participial constructions—'Recalling'—, 'Considering'—, 'Considering'—, is cut off by a comma from them and from the homogeneous predicates—'Asks', 'Decides', 'Requests'. Every predicate

structure is numbered and begins with a capital letter just as the participial constructions.

This structurally illogical way of combining different ideas has its sense. In the text just quoted the reason for such a structural pattern probably lies in the intention to show the equality of the items and similar dependence of the participial constructions on the predicate constructions.

"In legal English," writes H. Whitehall, "...a significant judgement may depend on the exact relations between words....The language of the law is written not so much to be understood as not to be misunderstood."¹

The over-all code of the official style falls into a system of subcodes, each characterized by its own terminological nomenclature, its own compositional form, its own variety of syntactical arrangements. But the integrating features of all these subcodes, emanating from the general aim of agreement between parties, remain the following:

- 1) conventionality of expression;
 - 2) absence of any emotiveness;
 - 3) the encoded character of language symbols (including abbreviations)
- and
- 4) a general syntactical mode of combining several pronouncements into one sentence.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

STYLE AS VARIATION WITHIN ONE LINGUISTIC SYSTEM

One kind of variation that we might not want to label stylistic is variation due to regional, temporal and social dialects (Enkvist 1973, p. 16). One possible way to exclude the study of such differences from stylistics is to state that stylistic variation has to be variation within one single language system. If we regard different dialects as different varieties of the same language defined by different rule systems, dialectical variation will be variation in language rather than in style.

However, such a solution seems quite arbitrary as long as we do not have any independent reasons for describing dialects, and dialects only, as different rule system. We might equally have said that each style is constituted by a rule system of its own. But we could perhaps suppose that each speaker possesses one single rule system generating all the styles he masters. His grammar would then be some kind of a supergrammar comprising in it several subgrammars for the different styles. The above claim that style is variation within a single linguistic system is then roughly equivalent to the claim that all the styles of a speaker are so similar to each other that they all should be fitted into the same general framework.

¹ Whitehall H. Structural Essentials of English. N. Y., 1956. P. 64.

If we assume that the grammars we construct should mirror the psychological reality in the speaker's mind, it might not be far-fetched to assume that all those variants of a language that a speaker encounters in his linguistic experience are if possible integrated into one system in his brain. This speaker would then be inclined to regard as a style a variant of his language that he is accustomed to, and to regard as dialects all variants that he is not accustomed to and has not integrated into his linguistic system. Style could then roughly be taken as certain kinds of linguistic variation within a single coherent speech community, since the styles used in such a community are likely to have been heard by the speakers and integrated in their linguistic systems. However, we should be aware that we really have a sliding scale here. Those variants that a speaker uses actively are probably best integrated in his linguistic system, while variants that he only passively receives from his environment are less integrated. Least integrated are probably variants that he very seldom encounters such as the language of the past, etc. It is almost a matter of taste where we should draw the line between stylistic and dialectal variation.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

SCHOOL MANIFESTO IN DISPUTE

Sir, There are some sensible points in WHOSE SCHOOLS? A Radical Manifesto (report, December 29), though none of them radical. We all favour higher academic standards. No one with any sense can object to scrutinizing teaching and inspecting the inspectors. We are all against inefficiency, time-wasting bureaucracy and the intrusion into schools of extreme and damaging political ideologies.

When it comes to curriculum, the writers of WHOSE SCHOOLS? cause concern. Are they seriously questioning "curriculum reform" and "relevance"? Do they appreciate that the reason for reforming O and A level syllabuses was that they were academically unsatisfactory? Do they realize that their "tried and tested subjects" have been found wanting — by academics, teachers and industrialists.

The subjects exist through uncritical acceptance of past practice for which there exists no satisfactory rationale. Are they happy that schools, including the most prestigious, have produced generations of technological, economic and political "illiterates"?

The curriculum has been reformed in order to make it more relevant to society's needs and the needs of its individual members, who will hopefully contribute more effectively to the task of regenerating our industrial technical complex, to the invigoration of our political and social institutions, to the development of our academic and cultural life. If the writers of WHOSE SCHOOLS? are against curriculum reform and relevance they are, whether they know it or

not, against these aims. As teacher, businessman and tax-payer, I don't want my money squandered on irrelevant nonsense.

At this year's Headmasters' Conference, the military historian Correlli Barnett, in relating Britain's decline this century to its inadequate educational system, exhorted the assembled heads to drive a stake through the living corpse of Victorian education.

The writers of WHOSE SCHOOLS? are exhuming the corpse. If they succeed they will condemn us to certain continuing decline.

Yours faithfully,

MARK HEWLETT, Principal
Rawlins Community College
Quorn
Leicestershire
December 29

СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
Юнита 3
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

Редактор: Тимохов О. Н.

Оператор компьютерной верстки: Левшанов В. С., Кулагин В.В.

Изд. лиц. № 015286 от 27.06.96

Тираж: _____

Сдано в печать:

Заказ: _____